

Для отзыва

1407

**НОВАЯ
РУССКАЯ НАРОДНАЯ
АЗБУКА.**

В. В. Михомирова.

ВИЛЬНА.

Тип. „Русскій Починъ“, уг. Преображенской и Семеновской ул., д. Мацкевича.

1904.

1907

рег
491.71
Т 462

НОВАЯ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ

АЗБУКА.

В. В. Михолирова.

СПЕЦФОНД

ВИЛЬНА.

Типографія „Русскій Починъ“, уг. Преображенской и Семеновской ул., д. Мацкевича.

1904

10.05.57
3753
1907
БИБЛИОТЕКА
полярныхъ образцовъ.

си

Дозволено цензурою, 13-го іюля 1904 г. Вильна.

Государственный институт
по изданию
книжек

№ 109693

прод

КОНТРОЛЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ.
С. П. В. О-во ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 5.

Новая русская народная азбука.

Посвящается русскому народному учителю.

Съйте разумное, доброе, вѣчное,
Съйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ....

Н. А. Некрасовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Хотя русскій языкъ достигъ удивительнаго совершенства, благодаря сліянію литературнаго языка съ народнымъ, но его теперешняя азбука по своей неуклюжести и схоластичности служить препятствіемъ къ распространенію грамотности, а съ другой стороны она же служитъ тормозомъ для орфографіи. Самый главный недостатокъ азбуки это — несоотвѣтствіе между начертаніемъ и живыми звуками, въ то же время начертаніе буквъ крайне тяжелое и мало доступное для разумнія. Азбука должна быть проста и въ то же время должна рельефно передавать всѣ звуковые оттѣнки. Только такая азбука сдѣлаетъ грамотность общедоступною; подъ грамотностью же нужно разумѣть умѣнье владѣть языкомъ письменно въ той же мѣрѣ и съ такою же легкостью, какъ это дается въ изустной рѣчи. Итакъ прежде всего необходима коренная реформа азбуки. Тогда и вопросъ объ орфографіи самъ собою упростится.

Если изучить все иностранные языки, то легко по первому впечатлѣнію подумать, что и наша азбука, и наша орфографія какъ-будто куда проще всехъ другихъ европейскихъ языковъ, въ особенности по сравненію съ англійскимъ. И, несмотря на это, русскому человѣку изъ народа куда труднѣе сдѣлаться грамотеемъ, чѣмъ европейскому простолюдину, но—что особенно замѣчательно—среди европейцевъ простолюдиновъ не бываетъ рецидива безграмотности, а у насъ это встрѣчается. Вдумываясь въ причины этого, можно сказать, что то правописаніе, которое носить въ себѣ слѣды исторіи языка, а въ тоже время устанавливаетъ точное произношеніе, облегчаетъ изученіе самаго языка. Теперь, если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на нашу русскую азбуку, то увидимъ, что въ ней безжалостно стерты все слѣды исторіи языка. Съ другой стороны, вслѣдствіе крупныхъ недостатковъ въ азбукѣ, не имѣется возможности установить точнаго произношенія (недостатки начертанія звуковъ *e* и йотированныхъ гласныхъ; отсутствіе буквы, соотвѣтствующей латинскому звуку *h*, и проч.). Далѣе, наша азбука лишь кажется простою. Я утверждаю, что эта простота кажущаяся и что, напротивъ, азбука полна схоластики и искусственности, а въ тоже время начертаніе буквъ отличается трудностью. Эта мысль уже начинаетъ проникать въ общественное сознаніе, но, къ сожалѣнію, вмѣсто раскрытія и устраненія схоластики, работа исправителей орфографіи пошла по ложному пути, который, въ случаѣ осуществленія, неизбежно долженъ повести къ еще большому увеличенію схоластики и искусственности въ нашей азбукѣ и орфографіи.

Моя единственная цѣль—принести лепту на пользу народную. Моя идея, которую я вынашивалъ много лѣтъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать стройную, легкую и простую азбуку, въ полномъ смыслѣ русскую народную азбуку, въ которой-бы все отѣнки звуковой родной рѣчи могли быть выражены легко и въ тоже время рельефно. Великій русскій народъ, создавшій дивный языкъ, народъ, имѣющій высокую тысячелѣтнюю культуру, въ тоже время совершенствуетъ эту культуру только путемъ устной преемственности, устнаго преданія; онъ не имѣетъ средствъ выучиваться владѣть своимъ роднымъ языкомъ пись-

менно съ тоюже легкостью, съ какою онъ выучивается владѣть имъ устно. Я глубоко убѣжденъ, что создать добрую народную азбуку есть великое дѣло, имѣющее неисчислимыя результаты какъ въ культурномъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Посвящая этотъ свой трудъ русскому народному учителю, я увѣренъ, что въ его лицѣ я найду горячаго послѣдователя реформы русской азбуки въ томъ видѣ, какъ я ее предлагаю. Пусть сѣятели несутъ на народную ниву кошицы жита, полныя добраго зерна, а не сухіе безжизненные скелеты. Тогда и всходы получатся не хилые, а обильные и крѣпкіе.

I.

Должна-ли существовать буква *н*? По мнѣнію академика Соболевскаго, буква *н* есть такой же дублетъ къ *е*, какъ *д* хвостомъ вверхъ къ *д* хвостомъ внизъ. Такъ-ли это? Изгоняя схоластику, не надо вмѣсто нея вводить новую, еще болѣе неестественную. Рѣшенія вопроса надо искать другимъ путемъ. Надо начать съ анализа звуковъ, съ фонетическихъ основъ. Азбука должна всѣмъ оттѣнкамъ живыхъ звуковъ давать вполне реальные образы. Итакъ будемъ говорить не о буквѣ *н*, а о звукѣ, соотвѣтствующемъ этому начертанію. Вѣдь ясно, что этого звука нельзя изгнать никакой схоластикой. Да и зачѣмъ намъ изгонять красоту своихъ живыхъ родныхъ звуковъ? Эту красоту создалъ самъ народъ. Азбука должна вполне отражать языкъ со всѣми его особенностями и со всѣми красотами. Только тогда она будетъ народною.

Въ заблужденіе вводить нелѣпое начертаніе *н*, которое не говоритъ ничего ни уму, ни сердцу. Бросимъ это начертаніе и возьмемъ то, которое-бы выражало сущность звука. Но въ нашей азбукѣ для этого нѣтъ средствъ. Необходимо ввести новую букву *j* (йоту), соотвѣтствующую нашему краткому и (й), такъ какъ *н* есть не что иное, какъ йотированное *е*, точно также какъ *я*, *ю* суть йотированныя *а*, *у*, т. е. латинскія *ja*, *ju* ¹⁾.

¹⁾ Только не надо обращаться къ современной „толстовской латыни“, существующей неизвѣстно для какой цѣли: я былъ удивленъ, когда убѣдился, что во всѣхъ новѣйшихъ учебникахъ латинскаго языка буква *j* замѣнена простымъ *i*.

При такомъ начертаніи вы получаете поразительную простоту и реальность. Если при этомъ начертаніи вы скажете, что буква *je* (=ѣ) называется «ять» потому, что она легко переходитъ въ *ja* (=я), то сущность перехода одного звука въ другой для всякаго становится совершенно ясною изъ самаго начертанія. Переходъ этотъ имѣется, напр., въ словѣ ядѣ (отъ слова ѣда); въ народномъ говорѣ мы слышимъ этотъ переходъ чаще, напр. говорятъ: звязда, мяшати, сядой, сляпой, язда и т. д.

Перейдемъ къ буквѣ *e*. Она произносится тройко: частью какъ чистый звукъ *e* (*e* закрытое и простое, напр. въ словахъ бездна, берегъ, безумный), частью какъ двугласная *ie* (въ словахъ есть, если, единый, ель и т. д.), частью же какъ мягкое йотированное *e* (напр. темя, мелкій) ¹⁾. Собственно несоотвѣтственное названіе этой буквы (есть) и повело къ путаницѣ, такъ какъ слово есть не только всегда произносилось какъ *іесть*, но въ старину и писалось такъ ²⁾. Но существуетъ-ли различіе между звуками *ie* и мягкимъ *je*? Разумѣется. Мягкій звукъ *je* (ѣ) есть сліяніе *j* (й) съ *e* столь полное, что получается одно цѣлое, результатомъ чего получается совершенно мягкое йотированное *e*. Достигается это посредствомъ нажима языка, каковой нажимъ требуется и вообще для произношенія всѣхъ мягкихъ йотированныхъ звуковъ: *ja* (я), *je* (ѣ), *jo* (ё) и *ju* (ю). Напротивъ, въ двугласной *ie* полного сліянія звуковъ *i* и *e* нѣтъ: каждая буква произносится отдѣльно, почему и не требуется при произношеніи *ie* нажимать языкомъ; въ окончаніяхъ *ie* переходитъ въ *ye* (миѣніе — миѣнье). Теперь возьмите для сравненія цѣлый рядъ словъ: ели — ѣли, есть — ѣсть, сведеніе — свѣденіе, вестъ — вѣсть и т. д. Все это отнюдь не омонимы, а потому и нельзя эти слова писать одинаково. Съ другой стороны возьмите слова: сѣль — сѣль, осѣль — осѣль, мѣль — мѣль,

¹⁾ Въ словахъ темя и мелкій въ старину именно и писалась буква ѣ.

²⁾ Слово „есть“ въ старину писалось собственно **ѣсть**, а двугласная **ѣ** произносилась какъ *ie*, если это *ie* произносить съ напряженіемъ, именно съ тѣмъ напряженіемъ, какое требуется для произношенія твердаго согласнаго звука. Получается при этомъ, конечно, йотированное *e*, но твердое, произносимое безъ того характернаго нажима языка, какой требуется для произношенія мягкихъ йотированныхъ звуковъ. См. приложение.

смѣль—смѣль и т. д. Вѣдь для подобныхъ словъ придется составлять особый списокъ въ случаѣ уничтоженія буквы *ѣ*. Далѣе, возьмите слова: безъ — бѣсъ, лѣсть — лѣзть и т. п.: въ этихъ словахъ одинаково слышится звукъ *с*, разница только въ произношеніи звука *е*. Наконецъ, возьмите, на примѣръ, слова темъ (отъ словъ тѣма и тема) и тѣмъ (отъ мѣстоим. тотъ), всѣ и всѣ и такъ далѣе; также: не мой и нѣмой, некогда и нѣкогда ¹⁾ и пр. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ мы безъ *je* (ѣ) получимъ невообразимую путаницу. Ясно, что нельзя изгнать звука *je* (ѣ). Напишите, на примѣръ, ехать вмѣсто ѣхать и постарайтесь произнести такъ, чтобы не было слышно ни *ie*, ни *je*, вы получите непонятное слово. Но съ другой стороны ясно, что, руководясь приведенными указаніями, совсѣмъ не трудно разобраться, гдѣ безусловно нужно писать *je* (ѣ) и гдѣ этого совсѣмъ не требуется. Самъ русскій народъ лучше философовъ и педагоговъ разберется въ этомъ вопросѣ, лишь-бы ему имѣть въ рукахъ ключи разумнія ²⁾.

Я прямо перейду къ новой русской народной азбукѣ, которую я построилъ на чисто физиологическихъ основаніяхъ, при чемъ законы фонетики являются въ полномъ согласованіи съ исторіей языка. Въ ней простыхъ буквъ 26 (въ скобкахъ приведены названія старыми буквами):

¹⁾ Нетрудно объяснить, что некогда означает *не-время*, а нѣкто, нѣкогда означаютъ: нѣсть-кто, нѣсть-когда, т. е. *нѣтъ* важности—кто, когда, а это означаетъ: кто-то, когда-то.

²⁾ Помимо изложеннаго, специфичность звука *ѣ* видна изъ того, что послѣ шипящихъ она переходитъ въ *а* (слышать вмѣсто слышѣть, нижайшій вмѣсто нижѣйшій). Въ малорус. нарѣчій звукъ *ѣ* легко переходитъ въ *і* (напр. хлѣбъ, біда). Да и у насъ въ окончаніяхъ часто вмѣсто *ѣ* слышится *і*, напр. „въ полі“ вмѣсто „въ полѣ“. Въ народномъ говорѣ часто слышимъ *ті* или *тѣ* вмѣсто *тебѣ* (дат. п.). Далѣе, невозможно слово „нѣтъ“ произнести безъ звука *ѣ*, — образовалось это слово изъ славянскаго нѣсть (= не есть); разумѣется, не слѣдуетъ разрывать связи и съ славянскимъ языкомъ. Затѣмъ, безъ звука *ѣ* невозможно объяснить, почему сѣсть, лѣзть и пр. имѣютъ въ прош. вр. сѣлъ, лѣзъ, при чемъ звукъ *е* не переходитъ въ *ѣ*, а однородные глаголы: вѣсть, нѣсть и пр. имѣютъ: вѣлъ, нѣсъ. Слѣдуетъ согласоваться и съ современными славянскими нарѣчіями. Наконецъ, буква *ѣ* (*je*) безусловно необходима при изученіи корней. См. также приложение.

A a (а), *B b* (бе), *C c* (це), *D d d* (де), *E e* (е), *F f* (ефъ),
G g (ге), *H h* (ха), *I i* (і), *J j* (йота=й), *K k* (ка), *L l* (ель),
M m (емъ), *N n* (енъ), *O o* (о), *P p* (пе), *R r* (ре), *ъ* (ерь),
ь (ерь), *S s* (есъ), *T t* (те), *U u* (у), *V v* (ве), *Ы ы* (еры),
Z z (зетъ), *Ъ ъ* (жетъ).

Начертаніе *ѣ* взято въ силу еродства между *з* и *ж* (рѣзать—
 рѣжу, князь — княже и такъ далѣе). Съ другой стороны вѣдъ
 и буква *ж* есть не что иное, какъ перечеркнутая буква *ѣ*.
 Значить, я раскрываю гіероглифъ, который намъ болѣе совер-
 шенно не нуженъ.—Вмѣсто названій зетъ и жетъ я предлагаю
 чисто русскія названія: зѣло и жито ¹⁾.

Вся азбука представляетъ сочетаніе латинскаго алфавита
 съ чисто русскими буквами *ѣ*, *ь* и *ы*. Послѣдняя есть не что
 иное, какъ *ѣ+і* (напр. предъ+ідущій=предыдущій). Само со-
 бою разумѣется, что *ѣ* отпадаетъ на концѣ словъ, но останется
 въ серединѣ словъ тамъ, гдѣ онъ безусловно нуженъ (напр.
 объявленіе, вѣздъ и т. д.). Мѣсто въ алфавитѣ *ѣ* и *ь* объясня-
 ется какъ начертаніемъ, близкимъ къ латинскому *r* (ре), такъ
 и укоренившимися названіями: *ерѣ*, *ерь* = *er* (ъ), *ерь*. — Буквы
и—v—ы слѣдуютъ рядомъ въ силу своего внутренняго еродства
 (завтра вмѣсто заутра, жую—жвачка, рыть—ровъ, ты—твой,
 духъ—дышать, слушать—слышать—слыть отъ стар. слоути—
 слово и т. д.), а равно и въ силу поразительнаго сходства въ
 начертаніи.

Двугласныя суть: *ја* (я), *је* (ѣ), *јо* (ѡ), *ју* (ю). Двугласную
ју можно назвать юсомъ въ память древнихъ юсовъ. Сверхъ
 того, надо ввести *у* (і-грекъ, т. е. і-греческое или і-двойное)
 вмѣсто теперешняго *ій*. Происхожденіе *у* (игрека) крайне просто
 и наглядно: *ій* = *і+ј* = *й*, т. е. получимъ *у* (игрекъ) съ двумя
 точками, а затѣмъ для упрощенія точки отбросимъ, получимъ
 просто *у*. Ср. франц. *raus*, *voiage*, *il u a*. Съ введеніемъ *у* воз-

¹⁾ *Жито* въ смыслѣ пережито, прожито (въ противоположность
живѣте), а также въ смыслѣ кошицы жита. Для старцевъ жито пусть
 будетъ въ смыслѣ пережито, а для юныхъ поколѣній жито пусть будетъ
 кошицей жита, полной добраго зерна и сулящей не хилые всходы,
 которыми до сихъ поръ награждался трудъ сѣятелей, а изобильные
 урожаи!

становится правильное начертаніе именъ, взятыхъ съ нѣмецкаго языка, напр. *Beuer, Dreyer* (Бейеръ, Дрейеръ) и т. д. — Двугласная *jo* для иностранныхъ словъ: батальонъ, бульонъ, курьюзный, серьезный (можно писать также: *batalyon, bulyon, kuryoznyj, serjuznyj*, а также: *batalion, bulion, kurioznyj, serioznyj*). Буква *ѣ*, т. е. *e* съ точками, удержится въ словахъ: ёжь (такъ какъ множ. ч. ежи), нѣбо въ отличіе отъ небо и т. д., а также въ спряженіяхъ и окончаніяхъ, напр. идѣшь, идѣтъ, вѣль, нѣсь, бѣльѣ и т. д. — О томъ, какое дать начертаніе древней двугласной *ю*, см. приложение.

Теперь остаются сложныя согласныя: *ч, ш, щ*. 1) Буква *ч*. Несомнѣнно сродство этой буквы съ *ц*: отецъ—отчій и т. д. Но, кромѣ того, въ областныхъ говорахъ даже и до сихъ поръ *ц* и *ч* смѣшиваются другъ съ другомъ и употребляются одна вмѣсто другой. Поэтому естественное начертаніе *ч* будетъ черезъ *с* (*це*) съ подбуквеннымъ знакомъ (*cédille*): *ç*. Назовемъ эту букву: *ча*. 2) Буква *ш* есть шипящая и совершенно сродна съ свистящею буквою *с* (*есъ*), т. е. она какъ-бы образовалась изъ буквы *с* съ придыханіемъ. Такимъ образомъ естественное начертаніе для *ш* будетъ *с* съ надбуквеннымъ звукомъ, т. е. *š*. Назовемъ эту букву: *ша*. 3) Буква *щ* сложена изъ буквъ *ш* и *ч* (а не изъ *ш* и *т*; хотя въ народномъ говорѣ мы и слышимъ *шти* вмѣсто *щи*, но сравните *штука* и *щука*). Такимъ образомъ *щ* = *šç*. Но это начертаніе можно упростить, т. е. возьмемъ *š* и къ нему прибавимъ подбуквенный знакъ (*cédille*) отъ буквы *ç*, ибо эта *cédille* только и имѣется въ буквѣ *ç*, получимъ *ṣ̌*. Но ясно, что для упрощенія можно выбросить надбуквенный знакъ, получимъ *ş*. Назовемъ эту букву: *щей*. А всѣ три буквы вмѣстѣ будутъ: *ç—š—ş=ча—ша—щей*, т. е. русское народное блюдо; простота и разумность въ начертаніи здѣсь удивительныя, а краткость достигаетъ до стенографическаго искусства. Для обозначенія сочетанія *сч* будемъ имѣть *сç*, напр. счастье = *сçастье*. Но еще проще и сочетаніе *сч* также обозначать черезъ *ş*, т. е. счастье = *şастье*, черезъ это мы получимъ огромное упрощеніе; только тамъ, гдѣ звуки *с* и *ч* произносятся раздѣльно, должно писать *сç* (напр. *исçерпать* = *исчерпать*).

Я даю основы азбуки и орфографіи. На почвѣ этихъ основъ вполне возможны дальнѣйшія усовершенствованія и измѣненія.

Такъ, слѣдуетъ ввести сложную согласную *ch* для звука средняго между *k* и *x*, какъ въ словѣ Христосъ, которое надо писать: *Christos*, при чемъ народъ въ производныхъ словахъ смѣшиваетъ звуки *k* и *x* (христианинъ—крестьянинъ), подобно тому какъ вмѣсто крестъ народъ говоритъ: хрестъ. Но, кромѣ того, различая въ латинскомъ языкѣ звонкіе и глухіе звуки: *g* и *h* (звонкіе звуки), *k* и *ch* (глухіе звуки), при чемъ звонкому *g* соответствуетъ глухое *k*, а звонкому *h* глухое *ch*, мы должны признать, что и въ русскомъ языкѣ всѣ эти буквы должны быть налицо. Къ сожалѣнію, звуки эти у насъ смѣшиваются. Звукъ *h* есть звонкій гортанный, именно придыхательный звукъ, который мы слышимъ въ зват. п. отъ слова Господь: Господи, далѣе иногда въ словѣ государь (отсюда—осударь—сударь), затѣмъ въ малороссійскомъ произношеніи: арбузь (*harbuz*), въ нѣмецкомъ *h* (напр. *haben*) и т. д. Иногда этотъ звукъ совѣмъ не произносится (юморъ отъ лат. *humor*). Поэтому я думаю, что и наше мѣстоименіе онъ произошло отъ лат. *homo* подобно французскому *он*. Буква *h* (назовемъ ее звонкимъ ха) должна употребляться въ словахъ: гуманный (отъ лат. *homo*), герой, гоноръ, гармонія, геморрой, госпиталь и т. д. Напротивъ звукъ *g* есть нѣбный—заднеязычный. Букву *g* надо писать въ словахъ: Богъ, Господь, господинъ, Георгій (отсюда Юрій и Егоръ), гдѣ, глазъ, голосъ, голодь, гость, голубъ, городъ, государь, губернія и т. д. Что касается до сложной согласной *ch* (назовемъ ее глухимъ или безголосымъ ха), то, являясь въ словѣ *Christos*, а также въ словѣ *chor* (хоръ) буквой средней между *k* и *x*, она во всѣхъ другихъ случаяхъ должна замѣнить теперешнюю букву *x*, которая есть чисто придыхательная буква и способна смягчаться въ *c* и *ш* (тряхнуть—трясти, ходить—шелъ, духъ—душа и т. д.); въ противоположность звонкому ха (*h*), это есть глухой звукъ. Слово лёгкій надо писать: *lëgky* (ср. нѣм. *leicht*). Русское «его», которое произносится «ево», произошло отъ лат. *ejus*; при этомъ оказывается, что звукъ *g* (=рус. *ѣ*) иногда переходитъ въ йотированные звуки и обратно (генварь—январь—франц. *janvier*; Георгій—Юрій и Егоръ и пр.), а съ другой стороны йотированные звуки и русскій звукъ *ѣ* иногда замѣняются другъ другомъ (напр. даяніе отъ даяти—давать—даваніе, одѣвать—одѣя-

ніе и пр.). Поэтому совершенно правильно писать вмѣсто его — ево, вмѣсто окончаній прилагат. аго или ого—его писать аво или ово—ево. Ср. также лат. ego, рус. я (язъ), франц. je и нѣм. ich.

Буквы *q* (для кв=qu), *x* (иксъ для кс), *ph* (=ф) и *th* (=ѳ) я не ввожу въ свою азбуку, ибо онѣ будутъ употребляться только въ ученыхъ книгахъ.

Буква *э*, т. е. е обратное, является теперь излишней.

II.

Предлагаемую мною азбуку можно признать по ея простотѣ и цѣлесообразности удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ. Но, выходя изъ изложенныхъ мною принциповъ, можно ввести въ нее, а также и въ орфографію еще дальнѣйшія усовершенствованія и упрощенія.

1) Начнемъ съ прилагательныхъ. Начертаніе ихъ должно быть: добрый—ая—ое (dobryj—aja—oe); синій—я—ее (sinu—ja—ee), здѣсь начертаніе синя (sinja) я предлагаю только для укороченія письма, а произносить надо синяя. Возможно еще вмѣсто синяя писать sinya, вмѣсто синее—sinyc и вмѣсто синюю—sinuц, что очень просто, вполнѣ совпадаетъ съ произношеніемъ и отнюдь не противорѣчитъ исторіи языка. Множ. ч. прилагательныхъ будетъ для всѣхъ родовъ: добрыі—синіі (dobryi—sinii), каковое окончаніе въ древнемъ церк.—слав. языкѣ существовало для муж. рода, я же ввожу его для всѣхъ родовъ, что составляетъ огромное упрощеніе для письма, а произносить можно какъ кто привыкъ. Доказательства правильности этихъ окончаній видны въ остаткахъ полныхъ окончаній въ народной рѣчи: добрыхъ, добрымъ и т. д.

2) Но, развивая начала орфографіи далѣе, мы можемъ ввести слѣдующее упрощеніе. Прилагательное добрый образовалось такъ: добръ-ій, а это=dobr-y. Мы можемъ ввести огромное упрощеніе, если вмѣсто dobryj (добрый) будемъ писать dobru.

3) Дойдя до начертанія dobru (добръ-ій=dobr-y) вмѣсто dobryj (добрый), мы сдѣлали не что иное, какъ выбросили *ъ* передъ *і*. Является самъ собою вопросъ, нельзя-ли вообще выбросить *ъ* повсюду. Рѣшеніе этого вопроса получается также

само собою—просто и естественно. Возьмемъ латинскія слова, напр. *objectus, subjectus* и пр., отсюда наши объектъ, субъектъ. Латинскій языкъ могъ обойтись безъ *z*, потому что уже сама буква *j* служила раздѣлительнымъ знакомъ. У насъ же йотированные звуки существуютъ не только въ началѣ словъ, но и въ серединѣ, сливаясь съ согласными въ одно цѣлое. Итакъ объектъ, субъектъ должно обозначить новыми буквами такъ: *objekt, subjekt*. Это обозначеніе можно упростить, поставивши надъ йотированнымъ звукомъ черту, которая и будетъ указывать, что впереди этого звука выпущенъ *z* и что йотированный звукъ есть начальный въ слогѣ; такимъ образомъ эта черта въ тоже время служитъ какъ для обозначенія самостоятельности йотированнаго звука, такъ и для раздѣленія. Назовемъ эту черту *раздѣлительною*. Слѣдовательно, вмѣсто *objekt, subjekt* мы будемъ имѣть: *objĕkt subjĕkt*. Собственно надъ раздѣлительною чертою ставить еще точку, которую полагается ставить надъ йотою, излишне; такимъ образомъ получимъ: *objĕkt, subjĕkt*. Далѣе, мы получимъ: *сѣлъ=sel, сѣѣлъ=sjel, объявленіе=objjavlenie, обязательство=objazatelstvo, объемъ=objem* (или *objom*), *обѣдъ=objed, обѣдки=objedki* и т. д.; также и передъ нейотированными буквами, напр. *подъемлю=rodemlju* (собственно должно быть *rodĕmlju*).

4) Легко и удобно освободившись отъ буквы *z*, является вполнѣ естественнымъ уничтожить и букву *y*, ибо она=*z+i*. Такимъ образомъ вмѣсто *y* мы будемъ имѣть *i*. Этотъ звукъ назовемъ *i-широкое* по свойству самого звука, но для произношенія этого звука требуется не широкое раскрытіе рта, а напротивъ удлинненіе ротовой щели. Само собою разумѣется, что и здѣсь надъ раздѣлительною чертою ставить точку излишне. Слѣдовательно, вмѣсто *добрыхъ* (*добръ—ихъ=dobr—ich*) будемъ имѣть *dobriĕch*, вмѣсто *обычай* (*обычай*)—*obiĕčaj*, также: *привычка*, *umĭ* (*умы*), *predĭduşy* (*предыдуцій*), *sĭznova* (*сызнава*), *obiĕsk* (*обыскъ*), *mĭslĕ* (*мысль*), *vĭrazatĕ* (*выражать*) и т. д. Совершенно ясно, что предлагаемое мною начертаніе *i* вмѣсто *y* не только проще, но оно возстановляетъ и корни, и словообразованіе. Также, напр., отсюда можно видѣть, что старинное начертаніе *мужъ* правильнѣй теперешняго *мужъ*, потому что множ. число *мужи* (*muži*), а не *мужъ-и* (*muži*).

Если начертаніе *dobru* вмѣсто *dobryj* (добрый) не будетъ принято, то тогда ничего не останется, какъ и надъ *y* (игрекомъ) ставить раздѣлительную черту, т. е. получимъ *dobrū*; такимъ образомъ $\bar{y} = \bar{z} + i\bar{y} = u\bar{j}$. Множ. ч. отъ прилаг. *dobrū* будетъ *dobrūi*. Но возможно еще множ. ч. прилагат. вмѣсто *dobrūi*, *sinīi* писать: *dobrūi*, *sinūi*, т. е. употребляя йотированное *i* на концѣ. Это можно обосновать тѣмъ, что склоненіе прилагательныхъ образовалось черезъ прибавленіе къ усѣченнымъ формамъ ихъ мѣстоименія *и — я — ю*, которое произошло отъ латинскаго *is — ea — id*, множ. ч. *ii*. Но собственно это мѣстоименіе правильнѣе обозначить новыми буквами *y — ya — ye*, множ. ч. *yi*: такое начертаніе естественно въ виду способности славянскаго языка йотировать звуки ¹⁾.

Итакъ явилось возможнымъ выбросить двѣ буквы (*z* и *u*) изъ новой азбуки. Такимъ образомъ вмѣсто 26 буквъ получимъ всего 24. Упрощенія при этомъ получились огромныя.

Что касается до буквы *ь*, то проще всего сохранить ее цѣликомъ, какъ и прежде. Правда, въ большинствѣ случаевъ эта буква вошла въ обиходъ, какъ сокращенная изъ *i*, напр. *пью* вмѣсто *пію* и т. д.; поэтому въ такихъ случаяхъ можно будетъ и возстановить *i* вмѣсто *ь*. Такъ, вмѣсто *пью* получимъ *piju* или *puu*, вмѣсто *судія* и *судья*—*sudija* или *sudya*. Такимъ

¹⁾ Для женск. рода прилагательныхъ я предложилъ выше начертанія: *dobraja*, *sinua*, вин. п. *dobruju*, *sinuu*. Эти окончанія можно обосновать такъ: *dobra — ya*, *sinja — ya*, вин. п. *dobru — yu*, *sinju — yu* (это *yu* надо считать образовавшимся изъ древняго йотированнаго большого юса); отсюда по закону ассимиляціи: *dobraja — sinua* и *dobruju — sinuu*. Для средняго рода окончаніе *ее* (*синее = sinee*) можно сохранить только въ уваженіе привычки, но еще лучше взять окончаніе *уе* (*sinue = синііе*). На основаніи высказанныхъ здѣсь соображеній нельзя также приходить въ ужасъ, если мы услышимъ въ произношеніи: *добръ — ія* (= добръя) мать. Ср. также *велій — велія — веліе*, в. п. ж. р. *велію*.

Давая древнему мѣстоименію *и* начертаніе *y*, я желаю показать, что это *и* произносилось съ напряженіемъ. Кромѣ того, обращаясь къ сравнительному языкознанію, мы видимъ, что у нѣмцевъ въ народномъ говорѣ вмѣсто *er* (онъ) употребляется *he*, у англичанъ мѣстоим. онъ выражается также словсмъ *he* (произносится какъ *hi*). Ясно, что мы имѣемъ одинъ и тотъ-же источникъ происхожденія славянскаго *и* и иностраннаго *he*.

образомъ имѣніе или имѣнье = imjenie или imjenue, платье = platie, бѣлье = bjelyo, Илія или Илья = Pija или Пуа; чей, чья, чье = cej, суа, суе, чьего = ceugo. Всѣ эти примѣры я привожу, чтобы показать, что при желаніи во всѣхъ этихъ случаяхъ легко обойтись безъ *ь*. Что-же касается до *ь* въ концѣ или въ срединѣ между согласными, то въ такихъ случаяхъ можно употреблять или *j* (joty), или апострофъ, или удареніе надъ согласной, напр. den den'skoj (день деньской), rieš или руоš (пѣшь) и т. д. Но въ концѣ концевъ гораздо проще сохранить *ь*, при чемъ онъ будетъ употребляться совершенно въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и до сихъ поръ.

Скорѣе для будущаго времени, чѣмъ для настоящаго, я считаю нужнымъ слѣдять слѣдующія указанія относительно замѣны буквы *ь* другими буквами или знаками. Что касается до замѣны буквы *ь* передъ гласными, то мы начнемъ съ того факта, что въ этихъ случаяхъ буква *ь* означаетъ лишь способъ произношенія согласнаго звука въ сочетаніи съ *i*, за которымъ слѣдуетъ гласная (ср. франц. il у а, которое произносится какъ русское илья, также collier, которое произносится какъ русское колье и пр.). Посему въ ученыхъ книгахъ буква *ь* передъ гласными должна быть замѣнена посредствомъ *i*, при чемъ послѣдующая гласная йотируется, такъ что *i*, сливаясь съ *j*, образуетъ *y*. Такимъ образомъ вполне правильно передать сочетаніе *ь* съ гласными слѣдующимъ образомъ: *ья* = *ya* (напр. družya), *ье* = *ie* (для упрощенія вмѣсто *ye*, напр. imjenie, platie), *ьн* = *ije* (напр. w platije — предл. п. — лучше, чѣмъ w platye, чтобы рельефнѣй выставить окончаніе съ *je*), *ью* = *yu*, *ьѣ* = *yo*. Остается передать *ьи* (*yi*). По аналогіи съ другими сочетаніями *ьи* будетъ правильно передать черезъ *yi*. Но съ другой стороны въ виду надобности оставить это окончаніе для прилагательныхъ и мѣстоименій и въ виду того, что букву *i* саму по себѣ нѣтъ надобности йотировать, мы можемъ для *ьи* упростить начертаніе, т. е. вмѣсто *yi* писать просто *ji*, причемъ это будетъ единственный случай, когда *j* будетъ служить раздѣлительнымъ знакомъ, замѣняя въ тоже время *ь*. Кромѣ того, *ьи* можно передать черезъ *ii*. Такимъ образомъ: Илія = Piji или Pii, Илья = Pji вмѣсто Пуи, Ильинъ = Pjin, Масканы (Mascagni) = Maskanji,

судѣи = sudji, свиный = swinjī, по судѣи = sudii, свиный = swinii, напротивъ свиной (вмѣсто свиные и свиная) = swinūi. Если же нужно, чтобы звукъ *i* не сокращался въ *ь*, требуется только не сливать *i* съ послѣдующею гласною. Такимъ образомъ: Россія = Rossija, линія = linija, судія = sudija, Илія = Iija. Такъ какъ сочетанію *vi* мы даемъ начертаніе *ji*, то отсюда слѣдуетъ, что и въ срединѣ словъ между согласными и на концѣ послѣ согласной лучше всего *ь* замѣнить черезъ *j*. Такимъ образомъ: staratjsja, Ванька-встанька = Wanjka-wstanjka, мышъ = mīsj, мысль = mīslj, рождъ = rožj. Такое обозначеніе лучше всего передаетъ намъ здѣсь *ь*, какъ сокращеніе изъ *i*. Здѣсь же я долженъ замѣтить, что предлагаемая мною выше окончанія прилагат. синій: у — уа — уе вмѣсто ій — яя — ее не будутъ противорѣчить изложеннымъ здѣсь указаніямъ, если мы объяснимъ, что окончанія уа, уи и пр. (напр. sinya, sinyu вмѣсто синая, синую) упрощены вмѣсто іја, іји и пр.; упрощеніе же это удобно потому, что сближаетъ склоненіе этого рода прилагательныхъ съ относительными прилагательными, имѣющими суффиксъ *и*, напр. божій, лисій, рыбій, медвѣжій и пр., при чемъ разница была бы только въ томъ, что послѣднія удержать *i* или *y* во всѣхъ падежахъ, напр. božy—božya—božye или božie, božiego или božyego — božiej или božyej, božiego или božyego и т. д. ¹⁾. — Наконецъ, что касается до буквы *ь* въ учебникахъ для первоначальнаго обученія, то здѣсь лучше-бы ее сохранить цѣликомъ и лишь постепенно переходить къ замѣнѣ ея буквой *i* или *j* (или вмѣсто *j* особымъ значкомъ въ видѣ знака ударенія надъ согласной). — Я потому такъ долго остановился на буквѣ *ь*, чтобы показать, что этотъ трудный отдѣлъ весьма легко и удобно рѣшается при помощи моей новой азбуки.

Съ введеніемъ новой азбуки возможны и дальнѣйшія усовершенствованія. Такъ, можно ввести еще двойную букву *w*,

¹⁾ Обращикомъ для склоненія прилагательнаго синій можетъ служить мѣстоименіе сей — сія — сіе = sej (sy)—sya или sija—sye или sie, мн. ч. syi или sii, а для относительныхъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *и*—мѣстоименіе чей — чья — чье = cej (cy)—cya—cye или cie (а также cyo), род. п. ciego или cyego — ciej или cyej—ciego или cyego и т. д., мн. ч. cyi или ciі или даже cji, род. п. cyich или ciich или cjich и т. д.

при чемъ черезъ букву *w* можно-бы обозначать звонкое *в*, а черезъ *v*—глухое *в*. Такимъ образомъ: *vtoroj* (второй), *wrag* (врагъ), *wragow* (враговъ), *Woronow* (Вороновъ) и т. д.; предлогъ *въ* долженъ всегда обозначаться черезъ *w*, стоять-ли онъ самостоятельно или составляетъ приставку. Можно-бы и окончание род. п. прилагательныхъ и мѣстоименій измѣнить: вмѣсто *ago* или *ogo-ego* писать *awo* или *owo-ewo*, напр. *kowo*—*cewo*, *dob-gawo*—*sinewo* и. т. д.

Наконецъ, для скорописи можно еще придумать облегченіе въ начертаніи часто встрѣчающагося сочетанія *ст*: его удобно изобразить въ видѣ буквы *s* съ маленькимъ крестикомъ надъ нею (*š*) ¹⁾, это особенно удобно при написаніи большого стеченія согласныхъ, напр. присутствие = *prisutšwie*; крестикъ этотъ есть не что иное, какъ *t* въ миниатюрѣ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что еще возможны и дальнѣйшія измѣненія и усовершенствованія моей азбуки. Надо признаться, что для уничтоженія буквы *ž* можетъ существовать и другой способъ. Также нельзя не признаться, что писаніе јотированныхъ звуковъ въ моей азбукѣ нѣсколько медленнѣй, чѣмъ писаніе этихъ звуковъ по старой системѣ, и занимаетъ больше мѣста. Посему можно еще упростить начертаніе јотированныхъ послѣ согласныхъ слѣдующимъ образомъ: можно писать *a*, *e* и *u* вмѣсто *ja*, *je* и *ju*; точка подъ гласной, слѣдовательно, будетъ означать, что здѣсь въ самой гласной содержится јота, которая тѣсно сливается съ гласной въ одно цѣлое; *ë* будетъ попрежнему вмѣсто *jo*. Но въ началѣ слова или слога, а также послѣ гласныхъ јотированные звуки должны имѣть полное начертаніе: *ja*, *je*, *jo* и *ju*, съ тѣмъ исключеніемъ для *je* (=ѣ), что оно можетъ писаться черезъ *e* и послѣ гласныхъ въ окончаніяхъ. Тогда не будетъ надобности въ раздѣлительной чертѣ надъ јотированными звуками, ибо *j* будетъ играть ту же роль, какъ и во всѣхъ другихъ языкахъ, напр. *сѣлъ*, *обѣдъ*, *сѣлъ*, *обѣдки*, субъектъ будемъ писать: *seł*, *obed*, *sjel*, *objedki*, *subjekt*. Въ јотированномъ *j*, какъ я сказалъ, нѣтъ надобности, посему *ji* будетъ означать *иі*. Въ этомъ измѣненіи вы

¹⁾ Это удобно уже потому, что самое слово крестъ въ такомъ случаѣ писалось-бы: *kreš*, т. е. увѣчивалось-бы крестомъ.

видите и замѣчательную простоту, и огромное сбереженіе мѣста. Такого обозначенія нельзя встрѣтить ни въ одномъ европейскомъ языкѣ, что и понятно, ибо нигдѣ нѣтъ и нашихъ мягкихъ ютированныхъ звуковъ. Что касается до обозначенія *и* черезъ \bar{i} , то оно останется совершенно такъ, какъ я предложилъ.

III

Скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи русскаго алфавита. Прототипомъ его служилъ греческій алфавитъ, нѣкоторыя же буквы позаимствованы изъ другихъ алфавитовъ, напр. буквы *ш* и *ц*, вѣроятно, заимствованы изъ еврейскаго алфавита (ср. евр. шинъ и цаде). Въ свою очередь греческій алфавитъ заимствованъ съ финикійскаго. Латинскій алфавитъ, который я ввожу въ новую русскую народную азбуку, заимствованъ также съ греческаго языка, но онъ представляетъ огромное усовершенствованіе въ сравненіи съ нимъ, и такъ какъ русскій языкъ имѣетъ огромное родство съ латинскимъ языкомъ, изъ котораго онъ заимствовалъ не только многія слова, но и склоненія и спряженія, то намъ и естественнѣй всего ввести латинскій алфавитъ.

Въ частности надо сказать, что нѣкоторыя буквы изъ глаголицы имѣютъ болѣе сходства съ латинскими буквами, чѣмъ съ буквами изъ кириллицы. Такъ, буква *в* по глаголицѣ совершенно походитъ на латинскую *v*, также буква *р* походитъ на латинскую *r*, а буква *п* есть совершенное подобіе латинской буквы *p*. Буква *і* по глаголицѣ походитъ на букву *x* тогоже алфавита, а послѣдняя походитъ на латинскую букву *h*.—Относительно замысловатаго начертанія *ж* я уже выше объяснилъ, что это есть перечеркнутая буква *з*.

Что касается до сложныхъ буквъ *ч*, *ш*, *щ*, то буква *ч*, вѣроятно, первоначально походила на цифру 4, а можетъ быть это есть особый греческій знакъ для обозначенія цифры 90 (ΚΟΠΠΑ); буква *ш*, вѣроятно, взята изъ еврейскаго алфавита. Что-же касается до буквы *щ*, то въ старинномъ начертаніи она была соединеніемъ *ш* и *т* вязью. вмѣсто всѣхъ этихъ гіероглифовъ я даю совершенно разумное начертаніе. Въ частности о буквѣ *щ*. Начертаніе ζ для звука *щ* въ высшей степени удачно,

такъ какъ звукъ *ш* въ дѣйствительности равняется *сч* или *шч* (звукъ *с*, т. е. есь, самъ по себѣ легко переходитъ въ *ш*: напр. просить—прошу). Въ всякомъ случаѣ сочетаніе *шт* отнюдь не идентично съ звукомъ *ш*. Можно сказать только, что *шт* иногда превращается въ *ш* (напр. щиблеты вмѣсто штиблеты, щекатурка вмѣсто штуркатурка, нѣм. Stieglitz = рус. щеголь и т. д.), подобно тому какъ звуки *к* и *т* сначала смягчаются въ *ч*, а потомъ въ *ш* (свѣтъ—свѣча—освѣщеніе, воротъ—ворочать—вращеніе, будучи—будущій, упрекъ—запретить—перечить—запрещеніе), а также *ск* и *ст* смягчаются въ *ш* (искать—истецъ—ищу, рости—роща, прости—процай и т. п.). Огромное упрощеніе состоитъ и въ томъ, что начертаніе *з* не только служитъ для изображенія чистаго звука *ш*, но и сочетанія *сч*, напр. счастье = *šastie*.

Введеніе буквъ *ј* (йота) и *у* (игрекъ) въ мою азбуку отвѣчаетъ коренной потребности русскаго языка. Введеніе буквы *h* (звонкое ха) также есть назрѣвшая потребность. Наконецъ уничтоженіе буквъ *з* и *ы* вносить не только упрощеніе, но и удивительную гармонію въ составленную мною азбуку.

Здѣсь скажу еще нѣсколько словъ объ игрекѣ. Иные ученые мужи возопіють, что это ужасно, что я ввожу какіе-то игреки. Такъ позвольте, гг. толстовскіе и катковскіе классики, снять съ вашихъ очей катаракту и завѣсу: вѣдь игрекъ есть не что иное, какъ греческій ипсилонъ, т. е. буква, фигурирующая въ нашей теперешней азбукѣ подъ весьма скромнымъ видомъ ижицы, той самой ижицы, которою въ наши еще недавнія времена наши учителя весьма не скромно и весьма больно награждали насъ по тому самому мѣсту, откуда ноги растутъ. Во многихъ случаяхъ ипсилонъ, игрекъ тожъ, у насъ превратился именно въ *ий*. Греческое слово *βασίλειος* у насъ превратилось въ собств. имя Василій (Wasily). Не ясна-ли теперь наша школьная схоластика, съ ея византійщиною и китайщиною, притуплявшая насъ ижицами? Вмѣсто безтолковой ижицы я даю ученый игрекъ, доступный пониманію cadaго.

Моя азбука даетъ разумную фонетическую систему, основанную на сродствѣ звуковъ, согласованную съ законами и исторіей языка; она даетъ возможность разобратъся во всевозможныхъ звукахъ, даетъ возможность умѣть понимать ихъ и

передавать письменно. Она чужда всякой схоластики. Самое главное—то, что моя азбука является разумною, наглядною и въ тоже время безыскусственною. Возьмемъ начертаніе йотированныхъ гласныхъ: *ъ, я, ю*, составляющихъ сущность русскаго языка. Что говорятъ вашей душѣ эти мертвые знаки? Теперь напишите эти буквы точно также йотированными въ начертаніи, какъ онѣ слышатся и въ произношеніи. Вы получите *je, ja, ju*, прибавьте еще *jo*, — вы видите передъ собою живые образы живыхъ звуковъ. Теперешняя буква *ъ* называется «ять» потому, что она легко переходитъ въ *я*. Итакъ напишите рядомъ *ъ, я*. Что тутъ общаго? Рѣшительно ничего, это хуже китайской грамоты. Теперь напишите *ъ* и *я* по новой методѣ: *je, ja*. Вамъ при одномъ взглядѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій совершенно ясно, въ чемъ именно состоитъ превращеніе одного звука въ другой. Можно еще указать на то, что буквы *ж, ш, ч* и *щ*, причисляются къ шипящимъ буквамъ. Всѣмъ этимъ буквамъ я даю начертаніе: *ž, š, č* и *š*, т. е. всѣ эти буквы снабжены различными подбуквенными и надбуквенными знаками, дѣлающими ихъ сразу примѣтными, и въ тоже время начертаніе дается крайне простое и осмысленное. Само собою разумѣется, что для обозначенія *ж* можно вмѣсто точки надъ *ж* взять и другой знакъ, напр. *ž̇*.

Нужно-ли говорить, что новая азбука сблизитъ русскій языкъ съ славянскими нарѣчіями, въ которыхъ принять латинскій алфавитъ? И кто знаетъ, можетъ быть это поведетъ къ объединенію всего славянства? Съ другой стороны она облегчитъ изученіе иностранныхъ языковъ для нашихъ школьниковъ. Облегчится изученіе русскаго языка и для иностранцевъ, которыхъ прежде всего пугаетъ русскій алфавитъ. Масса русскихъ книгъ въ различныхъ ученыхъ музеяхъ и библіотекахъ за границей не находятъ себѣ мѣста въ каталогахъ, а, слѣдовательно, и въ шкапахъ—только потому, что русскій алфавитъ неизвѣстенъ.

Но вѣдь, если принять предлагаемую мною азбуку, тогда теперешняя азбука для изучившихъ грамоту по новой методѣ будетъ какъ-бы иностраннымъ языкомъ. На это я скажу, что главное—разумная грамотность, а для грамотнаго человѣка даже и иностранные языки не страшны, тѣмъ болѣе свой родной

языкъ, какими-бы буквами онъ ни былъ обозначенъ. Дайте только ключи разумѣнія: вотъ чего жаждетъ русскій народъ. У нѣмцевъ двѣ азбуки, а это имъ не мѣшаетъ быть грамотными.

IV.

Читатели убѣдились, что моя азбука, давая начертанію полное соотвѣтствіе съ живыми звуками, въ тоже время легка какъ для пониманія, такъ и для начертанія. Однако трудность начертанія еще не составляетъ сама по себѣ непреодолимой преграды для распространенія грамотности. Безъ сомнѣнія, китайская грамота или какія-либо древнія письма неизмѣримо труднѣй. Но тогда, слѣдовательно, надо принять, что у насъ трудность грамотности зависитъ исключительно отъ схоластики.

Къ открытію новой народной азбуки меня привело фонетическое изслѣдованіе звуковъ родной рѣчи. Теперь мы пойдемъ другимъ путемъ: пользуясь этимъ открытіемъ, опредѣлимъ, какія безусловно нужны исправленія въ нашей теперешней азбукѣ, прежде чѣмъ ввести предлагаемую мною новую народную азбуку,—исправленія, чтобы привести нашу теперешнюю азбуку въ возможно полное соотвѣтствіе съ фонетическими основами. Эта задача въ высшей степени важная, ибо вѣдь будутъ говорить и при томъ совершенно резонно, что нельзя же сразу ввести новую азбуку, несмотря на ея совершенства. Къ счастью, рѣшить задачу, какія именно нововведенія и усовершенствованія надо ввести въ теперешнюю азбуку, теперь является дѣломъ совершенно легкимъ, до такой степени легкимъ, что теперь эту задачу въ состояніи рѣшить каждый.

Само по себѣ начертаніе буквъ есть дѣло условное. Но необходимо, чтобы мы умѣли различать каждый звукъ въ своей рѣчи; это различеніе должно быть ясно и въ начертаніи. Ни въ одномъ языкѣ въ свѣтѣ нѣтъ смѣшенія звуковъ, каждый звукъ имѣетъ строго опредѣленное и точное начертаніе. Только въ нашемъ схоластическомъ букварѣ этого нѣтъ. Отъ этого-то такъ и трудно у насъ пріобрѣтается грамотность. Самыми существенными элементами изъ всѣхъ звуковъ являются гласные; они употребляются и сами по себѣ, а также и въ сочетаніи съ

согласными, которымъ при этомъ придаютъ отчетливость: гласные образуютъ музыку рѣчи, составляя тоже, что тактъ для музыки, а потому они должны точно различаться. Въ нашей изустной рѣчи всѣ гласныя легко различаются, но въ начертаніи имъ нѣтъ соотвѣтствія. Этого соотвѣтствія нѣтъ въ звукѣ *e* и во всѣхъ двугласныхъ. Что касается до буквы *e*, то подѣ этотъ видомъ, какъ мы видѣли, обозначаются чистый звукъ *e* (напр. въ словѣ безумный), двугласная *ie* и частью звукъ *ь* (напр. темя, время, мелкій и пр.). Итакъ желательно въ тѣхъ словахъ, гдѣ слышна ясно двугласная *ie*, ввести именно эту двугласную (объ этомъ см. ниже). Буквы *ь*, *ю*, *я* суть не что иное, какъ йотированныя гласныя. Начертаніе этихъ-то буквъ и является самымъ нецѣлесообразнымъ. Прежде всего это суть двугласныя, слѣдовательно представляютъ собою сложные звуки и при томъ ихъ легко раздѣлить на составныя части. Зачѣмъ же имъ давать искусственное начертаніе? Этимъ буквамъ, слѣдовательно, и нужно дать начертаніе по ихъ составнымъ частямъ. Но знаками нашей теперешней азбуки дать соотвѣтствующее начертаніе этимъ двугласнымъ нельзя, или—можно-бы дать начертаніе, но оно совершенно неудовлетворительно, это будутъ: *йе*, *йу* (или *йоу*, такъ какъ *у* прежде писалось какъ *оу*) и *йа*. Значить, не остается ничего другаго, какъ ввести новую букву *ј*, т. е. *йоту* (*јоту*), съ введеніемъ которой задача рѣшается совершенно легко и просто. Эта *јота* совершенно равнозначительна *и* краткому (*й*) и въ тоже время она съ полною легкостью дѣлаетъ намъ эти двугласныя доступными и ясными; это и будетъ соотвѣтствіе между живыми звуками и ихъ начертаніями. Самое названіе этой буквы (*йота* или *јота*) какъ нельзя лучше выясняетъ намъ сущность этихъ двугласныхъ, а именно: для произношенія ихъ требуется нажимъ языка. Гдѣ этотъ нажимъ языка безусловно необходимъ, тамъ безусловно необходимо употребленіе и одной изъ этихъ двугласныхъ. Если мы рѣдко путаемъ *я* и *ю*, то относительно *ь* надо сказать, что мы его смѣшиваемъ съ двугласною *ie* и не умѣемъ отличить отъ простого звука *e* *). Руководясь упомянутымъ разли-

*) Въ особенности этимъ грѣшатъ духовно-учебныя заведенія, гдѣ даже при изученіи латинскаго и иностранныхъ языковъ буква *e* сплошь и рядомъ въ произношеніи йотируется, т. е. смягчается.

чѣмъ, теперь мы смѣшивать не будемъ. И это будетъ обусловливаться правильнымъ начертаніемъ, которое теперь будетъ простымъ, яснымъ, понятнымъ, какъ отвѣчающее фонетическимъ требованіямъ. Итакъ вмѣсто *ъ* слѣдовало-бы ввести *je*, вмѣсто *я—ja*. Что касается до буквы *ю*, то она насъ рѣдко вводитъ въ заблужденіе, затѣмъ правильное ея обозначеніе «*ju*» (или *jou*) было-бы слишкомъ тяжело; по этой причинѣ будемъ букву *ю* писать попрежнему, тѣмъ болѣе, что составъ этой буквы при существованіи другихъ јотированныхъ гласныхъ вполне понятенъ. Наконецъ, надо еще ввести двугласную *jo*: прежде всего для самой буквы јоты, затѣмъ для иностранныхъ словъ: бульјон, почтальјон, компаньјон, батальјон и т. д.; сверхъ *jo*, будетъ существовать попрежнему буква *ё* (ёжъ—ежи, небо—небо, вѣль—весть и т. д.). Однако, слово ёжъ еще лучше писать *jож*, мн. ч. *јежі* (см. ниже).

Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ нашей теперешней азбуки должно служить начертаніе буквы *і*: именно этого послѣдняго начертанія для всѣхъ случаевъ совершенно достаточно, двойное *і* (*и*) должно отпасть. Буква *з* на концѣ словъ послѣ согласныхъ должна также отпасть. Но, сверхъ того, ее уже и теперь удобно уничтожить также и въ серединѣ по изложенному мною принципу: объявленіе, сјел (объявленіе, сѣль), съ другой стороны: обязательство, сјел (обязательство, сѣль). Относительно буквы *ы* можно сказать, что и ее также удобно въ теперешней азбукѣ замѣнить посредствомъ *і*, напр. будемъ писать: добр *і* х, обіск, добр *і* j вмѣсто добрыхъ, обыскъ, добрый. Что касается до буквы *ь*, то она останется цѣликомъ и будетъ употребляться совершенно также, какъ и прежде.

Однако, чтобы дать чисто народное письмо, надо неуклонно стремиться къ тому, чтобы итти далѣе по пути упрощеній. Идея дальнѣйшихъ упрощеній уже намѣчена мною въ концѣ главы II. Эту идею можно примѣнить къ теперешней азбукѣ слѣдующимъ образомъ: можно сохранить буквы *я*, *ю* и *ё* для писанія только послѣ согласныхъ,—это будетъ *мякіе јотированные звуки*; въ началѣ же словъ, послѣ гласныхъ и въ самостоятельномъ употребленіи должно писать: *ја*, *јо* и *ју*,—это будутъ *полные јотированные звуки*. Такъ-бы это и должно быть.

но такъ какъ писать *ја* и *ју* болѣе трудно, чѣмъ *я* и *ю*, то для упрощенія письма первыя будутъ писаться только въ началѣ словъ и послѣ префиксовъ, а *я* и *ю* въ серединѣ словъ и на концѣ. Что касается до звуковъ *е*, то ѣду и ѣмъ надо писать черезъ *је*; звукъ *е* въ началѣ словъ надо писать также черезъ *је* (твердое *је*), напр. *јего* (нѣго), *јему* (нѣму), *јеслі*, *јеще* и т. д., за исключеніемъ иностранныхъ словъ (Европа, Египет, энергія и т. д.) и словъ, гдѣ принято писать *э* (напр. *этот*), а также въ словѣ «*есть*» (см. приложение). Что касается до буквы *ь*, то она встрѣчается или въ корняхъ и тогда стоитъ послѣ согласной, или въ опредѣленныхъ окончаніяхъ. Сдѣлаемъ краткій анализъ звуковъ *е* въ корняхъ: 1) Звукъ *е*, произносимый мягко, это есть *ь* или мягкое јотированное *е*, которое можно обозначить также черезъ *е* съ подписною јотою, т. е. *е*, какъ это предложено въ концѣ главы II, но изъ чисто практическихъ удобствъ для этого мягкаго јотированнаго *е* мы возьмемъ лучше надписную јоту, тѣмъ болѣе, что мы уже имѣемъ *е* съ двумя точками для обозначенія мягкаго јо; такимъ образомъ получимъ *сѣсть*, *лѣзть*, *вѣсть* и т. д. 2) Закрытое *е* (*е*), напр. *бѣз*, *бѣзумный*, *бѣрег* и т. д. 3) Обыкновенное или простое *е*, сюда же принадлежитъ бѣглое *е*, которое можетъ выпадать ¹⁾. Это *е* можетъ переходить въ *ё* или *о* (напр. *вѣсть* — *вѣл*—*водитъ*, *нѣсть*—*нѣс*—*носитъ*, *вѣлѣть* ²⁾—*воля*, *желтокъ*—*желтый* и т. д.); нерѣдко это *е* является соединительнымъ звукомъ, замѣняя древнее *ь* (*шьдши* = *шѣдши*, *срьдце* = *сѣрдце* и пр.). Произносится простое *е* то мягко (напр. *сѣрдце*), то болѣе твердо (напр. *вѣсть*—*веду*). Какъ произносится каждое слово, этому мы научаемся съ ранняго возраста. Поэтому народное письмо не должно брать на себя задачи—научить произношенію, но оно должно дать руководящія принципы, чтобы умѣть дать отличія каждому слову, чтобы не смѣшивать ни одного слова съ другимъ похожимъ. Посему дѣло учителя—

¹⁾ Не всегда возможно строго разграничить закрытое *е* отъ простаго, а потому въ другихъ мѣстахъ азбуки я называю оба эти *е* чистымъ звукомъ *е*.

²⁾ По сравненію съ словомъ *вѣсть* звукъ *е* въ словѣ *вѣлѣть* является закрытымъ, особенно это рѣзко замѣтно въ повел. накл.: *вѣлі* въ отличіе отъ *вѣлі* (пр. вр. отъ гл. *вѣсть*).

умѣть указать различіе въ произношеніи звуковъ, а отсюда вывести принципы правописанія. Разуждая такимъ образомъ, получимъ: безъ = бѣз, бѣсъ = бес, не мой = нѣ мой, нѣмой = нѣмой, некогда = нѣкогда, нѣкогда = нѣкогда, нѣкто = нѣкто, сей и сѣй = сѣј и сеј; сѣлъ, сѣло, сѣла = сѣл, сѣло, сѣла (въ отличіе отъ сѣл, сѣло и сѣла), также вѣсть (съ твердымъ *e*) и вѣсть (съ мягкимъ *e*), лѣсть и лѣзть и т. д. Въ окончаніяхъ *ь* будетъ обозначаться всегда черезъ *ѣ*.—Съ введеніемъ моею системы, надо окончательно прекратить рутинное писаніе *ь* въ корняхъ, во многихъ случаяхъ не обусловливаемое никакою надобностью. Такимъ образомъ *e* въ словахъ стремленіе, стрѣла, встрѣчать, крѣпкій (ср. нѣм. *kräftig*) и т. д. произносится совершенно одинаково, а потому *ь* въ словахъ стрѣла, крѣпкій и встрѣчать является излишнимъ. Однимъ словомъ число корней съ буквою *ь* надо сильно сократить; надо вообще употреблять отличительные знаки для буквы *e* только въ тѣхъ словахъ, которыя возбуждаютъ какое-бы то ни было сомнѣніе по сходству съ другими словами. Только въ этихъ случаяхъ надо умѣть дать этимъ словамъ отличительные знаки въ начертаніи, руководясь фонетическимъ и частью этимологическимъ анализомъ. Съ этою совершенно новою точкою зрѣнія мы даже сумѣемъ различить сущ. мѣсть отъ гл. мѣсть: въ первомъ случаѣ *e* произносится мягко (церк.—слав. мѣсть), а во второмъ твердо; посему сущ. мѣсть можно обозначить черезъ мѣсть въ отличіе отъ гл. мѣсть. Конечно, это будетъ противорѣчить теперешнему понятію о буквѣ *ь*, но 1) пора покончить съ рутинной, а 2) нѣтъ правилъ безъ исключеній. Съ другой стороны, благодаря этой системѣ, мы можемъ отличить слова, которыя теперь одинаково пишутся черезъ *ь*, напр. сущ. надѣлъ и гл. надѣлъ: въ первомъ случаѣ будемъ имѣть—надел, а во второмъ—надѣл (въ силу правила писать *ь* передъ *ть* въ неопред. наклон.). Такимъ образомъ моя система, будучи крайне простою, заставитъ въ тоже время ученика сознательно и шагъ за шагомъ варабатывать орфографію, по мѣрѣ накопленія опыта и по мѣрѣ приобрѣтенія грамотности. Посему для сельскихъ школъ моя система является въ особенности пригодной: давая наглядное понятіе о звукахъ *e*, эта система, благодаря писанію звука *e* въ началѣ слова черезъ *je* и благодаря однообразному писанію *e* въ серединѣ словъ и на концѣ, даетъ возможность съ самаго начала

писать грамотно и лишь по мѣрѣ надобности и съ расширеніемъ понятій даетъ способъ снабжать букву *e* тѣми или другими отличительными знаками, какъ опознавательными вѣхами при изученіи родного языка. Таковъ именно и долженъ быть идеаль народнаго письма.—Что касается до буквы *з*, то теперь ясенъ способъ ея уничтоженія: если мы примемъ *я*, *ю*, *ѣ* и *ѥ* для обозначенія јотированныхъ звуковъ въ серединѣ словъ и въ концѣ, а *ја*, *ју*, *јо* и *је* для обозначенія полныхъ јотированныхъ звуковъ только въ началѣ словъ и послѣ префиксовъ (изъ нихъ *јо* можно употреблять и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ), то получимъ: обязательство, объект, объявленіе, сјел и т. д., т.-е. јота послѣ согласной повсюду будетъ служить раздѣлительнымъ знакомъ, причемъ предшествующая согласная должна произноситься твердо въ отличіе отъ сочетанія *ји*, которое должно служить для обозначенія *и*. Наконецъ, что касается до *ы*, то обозначеніе *ī* является во всякомъ случаѣ цѣлесообразнымъ, ибо эта черта одновременно означаетъ и раздѣлительный знакъ, а въ то же время она является и соединительнымъ знакомъ между вновь образовавшимся отъ этого раздѣленія звукомъ (*ы* или широкое *i=ī*) и предшествующей согласной, напр. обычај = об—ічај = обічај.

Вотъ и всѣ нововведенія, которыя должны быть произведены въ нашей теперешней азбукѣ, но они должны быть произведены настоятельно и безотлагательно теперь же. Важно-ли это? Неужели отъ такихъ пустяковъ можетъ зависѣть безграмотство и при томъ почти поголовное русскаго народа? Я отвѣчаю категорически: да, это въ высшей степени важно. Эти нововведенія, которыя кажутся столь маленькими, откроютъ свѣтъ русскому народу: они прольютъ такой яркій свѣтъ на начертаніе звуковъ, что у русскаго народа откроются глаза, чтобы понимать письменное начертаніе звуковъ своей родной рѣчи. Сравните это хотя-бы съ открытіемъ глазнаго зеркала для офтальмоскопіи. Строеніе глаза со всѣми его тонкостями было давнымъ давно изучено, но сотни лѣтъ прошли, прежде чѣмъ дошли до мысли заглянуть внутрь глаза на живомъ, освѣтить его дно. А между тѣмъ это было совсѣмъ не трудно, ибо даже и неученые могли видѣть самое обыденное явленіе—

свѣщеніе глазъ у нѣкоторыхъ животныхъ въ темнотѣ и при томъ безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій. Что надо сдѣлать, чтобы освѣтить домъ, если внутри темно, а двери и окна закрыты? Очень просто: надо освѣтить его снаружи черезъ окно, такъ чтобы свѣтъ могъ проникнуть туда. Глазъ представляетъ собою именно маленькій закрытый домикъ, снабженный свѣтлымъ окошечкомъ (роговица и зрачекъ): стоило только умѣть провести черезъ это окошечко лучъ свѣта и тотчасъ же открылась вся картина глазного дна.

Итакъ побольше свѣта, не бойтесь проливать его на всѣ явленія науки и жизни, не бойтесь яркости жизненныхъ красокъ: красота жизни именно и состоитъ въ переливахъ ея красокъ. У насъ же вмѣсто того царитъ схоластика, которая умерщвляетъ и обезличиваетъ жизнь. Эта схоластика заѣдаетъ насъ съ самыхъ счастливыхъ дней нашего перваго дѣтства. Послушайте, что говоритъ голосъ изъ народа,—вотъ передъ вами письмо г. Пологемновой (Русь 26 Апрѣля 1904 г.). Вотъ что она пишетъ: «9—10-лѣтнія дѣти, которыя охотно изучаютъ начальныя понятія по геометріи, физикѣ, географіи и исторіи, просто изнемогаютъ отъ трудности правильнаго писанія».

Можетъ-ли быть облегчено это правильное писаніе простымъ уничтоженіемъ буквы *н*? Я уже доказалъ, что нѣтъ. Съ другой стороны посмотрите на фельетоны безъ *н* (Н. А. Демчинскаго). Какое производятъ они впечатлѣніе? Я опишу это впечатлѣніе такъ: они похожи на старую, хорошо намъ знакомую монету или картину со стертыми изображеніями, въ этой монетѣ или картинѣ нѣтъ яркости красокъ, ихъ приходится оживлять знаніемъ и фантазіей. И если образованный человѣкъ сравнительно легко разбираетъ эту картину, то для необразованнаго человѣка это—непосильная работа. Такъ зачѣмъ же намъ уничтожать то, что даетъ яркость краскамъ и жизнь звукамъ?

Принявши эти взгляды, легко уже будетъ разработать и орфографію. Прежде всего теперь же надо измѣнить теперешнее неправильное начертаніе нѣкоторыхъ словъ; надо писать: где, здесь или сдесь, даліе, боліе, меніе и т. д. Какъ видно, правильное начертаніе будетъ сближать это послѣднее съ произношеніемъ; таково было именно начертаніе этихъ словъ и въ

старину ¹⁾. Нужна-ли буква *ь* въ глаголахъ? Главныя примѣты 2-го спряженія производныхъ глаголовъ въ неопред. наклоненіи суть: *ить*, *ѣть* (или *ать*) и *ять* (любить, смотрѣть, слышать, стоять). Далѣе, примѣты *ь* и *і* передъ *ть* служатъ для отличія средняго залога отъ дѣйствительнаго (напр. чернѣть и чернить). Ясно, что при сохраненіи *ь* (*ё*) въ правописаніи этихъ случаевъ мы упростимъ изученіе глаголовъ, тогда какъ при уничтоженіи *ь* мы безъ всякой надобности только затруднили-бы изученіе глаголовъ. Точно также при сохраненіи *ь* (*ё*) въ окончанияхъ склоненій существительныхъ и мѣстоименій мы отнюдь не усложнимъ орфографіи, а только сблизимъ ее съ произношеніемъ. Самъ народъ на вопросъ «куда» говорить: «въ поле», на вопросъ «гдѣ» — «въ полі». Итакъ пусть народъ пишетъ: «въ полі», если ему трудно писать «въ полѣ», но писать въ предложномъ падежѣ «въ поле» есть грубая ошибка, ничѣмъ не оправдываемая. Только жизненное правописаніе есть правильное. Поэтому пусть академики, руководясь этими взглядами, пересмотрятъ всю орфографію, но пусть они призовутъ на помощь самъ народъ—въ лицѣ народныхъ учителей.

Въ заключеніе должно еще добавить, что уже и въ настоящее время не имѣется препятствій къ введенію латинской буквы *h*, тѣмъ болѣе, что начертаніе ея весьма близко къ русскому *х*. Тогда прописную букву *h* надо будетъ писать черезъ латинскую букву *N*, а начертаніе *H* будетъ служить для прописной буквы *h*. Такимъ способомъ вопросъ рѣшается крайне просто и удобно.

¹⁾ Собственно начертаніе словъ „далѣе“, „болѣе“, „менѣе“ въ древности было: *далѣе*, *болѣе*, *менѣе*, это = *dalye*, *bolye*, *menye*, чему ближе всего соотвѣтствуетъ начертаніе: *даліе*, *боліе*, *меніе*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РАЗБОРЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СООБЩЕНІЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДКОМИССІИ.

Эпиграфомъ взяты слова К. С. Аксакова: «письмо — вещь условная. Слово напротивъ есть необходимое, на глубокихъ законахъ основанное явленіе». Такойъ эпиграфъ отнюдь не исключаетъ ни раціональности, ни простоты орфографіи. Случайность произношенія отнюдь не можетъ быть закономъ для начертанія, но само начертаніе должно давать основы для точнаго произношенія; однимъ словомъ начертаніе и произношеніе должны стоять въ взаимной органической связи. Устраненіе изъ письма элемента случайности и введеніе въ него такихъ же разумныхъ, необходимыхъ и глубокихъ законовъ, какъ и для самаго языка, крайне желательно. Письмо должно въ совершенствѣ отражать языкъ, должно быть зеркаломъ языка и при этомъ должно быть столь же раціональнымъ и естественнымъ, какъ и самъ языкъ; такимъ опредѣленіемъ мы наилучшимъ образомъ выразимъ основную идею научной орфографіи и народнаго письма. Все, что раціонально и естественно въ письмѣ, далѣе все, что сближаетъ письмо съ самымъ языкомъ, оставаясь раціональнымъ и естественнымъ,—все это и составляетъ основу орфографіи. Напротивъ все, что нераціонально и неестественно, никогда не можетъ быть трактуемо подъ видомъ правилъ орфографіи, а равно не можетъ быть выдаваемо за упрощеніе правописанія, ибо просто только то, что естественно и что легко можетъ быть объяснено или постигнуто даже неразвитымъ умомъ. Я полагаю, что отъ изложенныхъ мною принциповъ правописанія никто не откажется.

Прежде всего я могъ-бы поставить вопросъ: для чего подкомиссія прибѣгла на страницахъ 4 и 5 къ буквѣ *j* и для че-

го она завела рѣчь объ йотированныхъ гласныхъ? Ясно, что, еслибы она могла легко обойтись безъ буквы *j* (йота) для объясненія своей мысли, то она не прибѣгла-бы для этого къ помощи этой буквы. Но, если она не могла обойтись безъ этой буквы для поясненія своей мысли, то почему она просто и искренно не сказала: «да, безъ буквы *j* мы обойтись никакъ не можемъ, а потому мы должны ее ввести въ русскую азбуку, такъ какъ было-бы странно прибѣгать для поясненія русской орѳографіи къ чужой буквѣ»? Но, къ сожалѣнію, комиссія этого не сдѣлала, а потому мы съ самаго начала вправѣ усумниться въ рациональности и естественности ея предложеній. Съ другой стороны, прибѣгнувъ къ буквѣ *j*, но убоявшись ввести ее въ русскую азбуку, комиссія лишила себя яснаго пути для выясненія истины и причислила къ йотированнымъ гласнымъ и такія, которыя сами по себѣ отнюдь къ нимъ не могутъ быть причислены (*e*, *i*). Поэтому я долженъ здѣсь напомнить особенность буквы *j*, а именно что она не можетъ быть произнесена безъ нажима языка. Соединяясь съ другими гласными, она придаетъ имъ, въ особенности въ сочетаніи съ согласными, глубоко мягкое произношеніе. Обиліе этихъ мягкихъ и вообще йотированныхъ звуковъ — составляетъ коренную особенность русскаго языка. Это суть *ja* (я), *je* (ѣ), *jo* (ё) и *ju* (ю), — произношеніе всѣхъ этихъ звуковъ немислимо безъ нажима языка. Кромѣ того, къ йотированнымъ звукамъ принадлежитъ еще древняя двугласная *ю*, которую мы пока обозначимъ черезъ *ie*, произносимое съ напряженіемъ. Итакъ за что-же гоненіе на йотированное *e*? Рѣдко-ли оно встрѣчается въ самомъ языкѣ? Я думаю, нѣтъ. Менѣе-ли оно значительно, чѣмъ другія йотированныя гласныя? Я думаю, нѣтъ. А если такъ, то почему-бы для упрощенія не уничтожить и всѣ вообще йотированныя гласныя? Или хотятъ для звука *je* довольствоваться жалкимъ суррогатомъ вмѣсто рациональнаго, естественнаго и живаго начертанія?

Послѣ этого вступленія перейдемъ къ разбору предложеній комиссіи. Оказывается, что *z*, *n* и *o* уже исключены 12 Апрѣля. О буквѣ *o* жалѣть нечего. Относительно *z* надо сказать, что его можно было-бы исключить только тогда, когда была-бы исключена буква *ы*, ибо *ы* есть не что иное, какъ *z + i* (предъ +

идуцій = предыдущій). Не исключивши *ы*, нельзя исключать и *э*. Или комиссія полагаетъ, что для объясненія письма вполне законно прибѣгать къ уничтоженнымъ ею буквамъ?

Теперь о буквѣ *е*. Подъ однимъ этимъ начертаніемъ комиссія находитъ возможнымъ передать, помимо звука *э* или открытаго *е*, цѣлыхъ три звука, совершенно различныхъ: чистое *е*, двугласную *іе*, соотвѣтствующую древнему *ю*, и звукъ *ѣ* (*je*). Раціонально-ли это и естественно-ли? Конечно, нѣтъ, ибо въ произношеніи мы незамѣтно для себя, безсознательно даемъ всѣмъ этимъ звукамъ совершенно различные отгѣнки. Поэтому было-бы также странно обозначать три различные звука одинаковымъ образомъ, какъ при обученіи музыкѣ или танцамъ три различные па стараться передать одинаково. Но обучающихся-то грамотѣ вѣдь при подобномъ способѣ мы именно какъ разъ будемъ заставлять продѣлывать умственную эквилибристику по тремъ па, пока его мысль по соединительнымъ нервнымъ волокнамъ не попадетъ какъ разъ на соотвѣтствующій звукъ: итакъ приводить въ движеніе три соединительные мозговые пути вмѣсто одного—развѣ это раціонально и естественно? Но вѣдь этого мало: мы заставимъ, кромѣ того, учащагося еще по смыслу цѣлой фразы подбирать къ буквѣ соотвѣтствующій звукъ, чтобы понять значеніе слова. Это уже совершенно непосильная работа для дѣтскихъ мозговъ. И мы положительно рискуемъ русскую азбуку превратить въ китайскую грамоту. Совершенно невѣрно, будто звукъ *ь* совпалъ вполне съ звукомъ *е*. Это глубокое заблужденіе¹⁾. Если въ народномъ говорѣ звукъ *ь* слышится гораздо чаще, чѣмъ мы употребляемъ эту букву въ письмѣ, то вѣдь это отнюдь не доказываетъ, что эта буква излишня, а какъ разъ наоборотъ. Можно привести большое количество словъ, которыя по правиламъ комиссії будутъ писаться одинаково, а между тѣмъ произносятся совершенно различно: ели—ѣли, есть—ѣсть, сведеніе—свѣденіе, вестъ—вѣсть, веди—вѣди, реку—рѣку, темъ—тѣмъ, те—тѣ и т. д. Это отнюдь не омонимы. Съ другой стороны омонимовъ или quasi-омонимовъ у насъ и такъ достаточно (напр. суц. и гл. мечь, дѣль, надѣль, гл. зрѣть, спѣть, по-

¹⁾ Для примѣра возьмемъ слово: возмѣстеса, которое содержитъ 3 звука *е*, совершенно различные.

спѣть, слѣпить, дѣлі и дѣли и т. д.) и если они мало стѣсняють насъ, то потому, что рѣдко встрѣчаются или понятны по связи рѣчи. Далѣе, укажемъ на слова въ родѣ: сѣль—сѣль, осѣль—осѣль, мѣль—мѣль, всѣ—всѣ, всѣмъ—всѣмъ и т. д. Комиссія говорить, что буква *ѣ* желательна, но не обязательна (стр. 6). Напротивъ, съ уничтоженіемъ *н*, для подобныхъ словъ она безусловно обязательна. Но тогда, слѣдовательно, для нихъ надо составлять особый списокъ, какой мы теперь составляемъ для буквы *н*, равно какъ необходимо составлять списокъ для *quasi*—омонимовъ. Значить, изъ огня да въ полымя. Наконецъ, надо еще имѣть въ виду, такъ сказать, факультативные омонимы, т. е. слова, которыя могутъ казаться омонимами при неправильномъ произношеніи: безъ—бѣсъ, лестъ—лѣзть и т. д.; обо всемъ этомъ мною достаточно сказано выше (стр. 7 и 24). Уничтожить букву *н* это не есть разрубить гордіевъ узелъ, а это значить—уложить звукъ *ѣ* (*je*) въ прокустово ложе.

Посему я считаю доказаннымъ, что букву *н* уничтожить невозможно, но надо дать ей реальное, живое начертаніе, соответствующее самому звуку, т. е. надо обозначить ее черезъ *je*. То, что она способна переходить въ *ja* (*я*)—откуда и названіе «ять»—и въ *i*, это только упрощаетъ дѣло и еще болѣе обязываетъ насъ держаться за *je*. Само собою разумѣется, что, вводя *je* вмѣсто *н*, надо пересмотрѣть тщательно весь списокъ словъ съ теперешнимъ *н*. Есть слова, гдѣ писаніе *н* или *je* безусловно необходимо (ѣсть, ѣхать, сѣсть и т. д.). Другія слова, напротивъ, обязательно должны писаться безъ *н* (где, здесь или сдесь: эти слова даже и въ старину писались безъ *н*). Далѣе долженъ быть установленъ третій рядъ словъ, гдѣ можно писать одинаково *н* или *e*, напр. блѣдный; не будетъ ошибки, если мы въ подобныхъ словахъ и совсѣмъ перестанемъ писать *н*, подобно тому какъ вмѣсто старинныхъ тѣмя, врѣмя, мѣлкій мы стали писать темя, время, мелкій. Вообще можно сказать, что *н* въ особенности можно уничтожить во многихъ словахъ послѣ *л*, ибо уже самъ по себѣ звукъ *л* въ сочетаніи съ *e* произносится мягко. Такимъ образомъ можно писать черезъ *e*, помимо блѣдный, слова: лѣвый, лѣকারь, желѣзо, лелѣять, плѣсень, телѣга и пр., но безусловно необходимо писать черезъ *н* слова: лѣзть,

лѣсъ, слѣдь и т. д. Сокращеніе буквы ѣ въ корняхъ возможно вообще въ широкихъ размѣрахъ. Такъ, можно даже упитчожить ѣ въ словѣ дѣлать (ибо отсюда предлогъ для) и въ производныхъ отъ него. Если пишемъ надежда черезъ е, то ясно, что и надѣяться можно писать черезъ е; дѣть, надѣть и т. д. можно писать черезъ ѣ въ силу другой причины (ѣ передъ ть въ глаголахъ). Черезъ е можно также писать сѣмя, сѣять (получатся омонимы: сѣи и сей, но мѣстоименіе сей теперь почти не употребляется), вѣять, вѣтеръ, сѣверъ, даже цвѣсть, но свѣтъ лучше писать черезъ ѣ. При сокращеніи буквы ѣ въ корняхъ можно руководиться правиломъ, что, гдѣ уже по свойству сочетанія звукъ е долженъ быть мягкимъ, тамъ можно обойтись безъ ѣ. Такимъ свойствомъ, какъ сказано, отличается буква л; далѣе, можно писать е послѣ буквы р въ словахъ: рѣчь, обрѣсти, встрѣчать, стрѣла, грѣхъ, но слово рѣка лучше писать черезъ ѣ. Такимъ же свойствомъ отличается сочетаніе ел (въ особенности рѣзко въ окончаніи существит. на тель); вотъ почему свободно можно писать черезъ е: дѣлать, дѣлать, тѣло и др. Но тамъ, гдѣ требуется избѣгать смѣшенія словъ, лучше писать черезъ ѣ, напр. мѣль въ отличіе отъ мѣль и т. д. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо приблизиться къ старинному писанію, какъ болѣе правильному исторически и болѣе соответствующему по произношенію, напр. лучше писать даліе, боліе, меніе вмѣсто теперешнихъ далѣе, болѣе, менѣе, ибо слова эти суть не что иное, какъ средній родъ отъ прилагательныхъ далій, болій, меній. Правильныя степени сравненія прежде писались черезъ ѣ, т. е. добрѣѣе, сокрац. добрѣѣ; будемъ писать какъ теперь установлено: добрѣе—добрѣѣ, но будемъ знать, что это только ради упрощенія письма. Въ окончаніяхъ также необходимо сохранить ѣ (je) попрежнему. Вообще надо помнить, что орѳографія должна давать опознавательныя вѣхи не только для произношенія, но и для распознаванія корней и изученія словообразованія, а также наконецъ и для связнаго чтенія, которое облегчается характерными отличіями въ падежныхъ окончаніяхъ; также надо помнить, что, кто умѣетъ по связи рѣчи различать падежи, того отнюдь не могутъ затруднять падежныя окончанія, но кто не умѣетъ еще по связи рѣчи различать падежей, того неправильное начертаніе е вмѣсто ѣ (je) будетъ только путать, напр. правописаніе «въ

банкѣ» гораздо доступнѣе, чѣмъ «въ банке», тѣмъ болѣе, что при послѣднемъ начертаніи нѣтъ возможности объяснить, откуда явилась буква *e*, слѣдовательно невозможно объяснить законовъ перехода однихъ звуковъ въ другіе.

Безъ сомнѣнія наши ученые не замедлятъ возстать противъ меня, что я впалъ въ грубое заблужденіе, принимая \dot{z} за *je*, а древнюю двугласную *ю* за *ie*, ибо по общепринятымъ правиламъ эта двугласная есть *јотированное e*, т. е. =*je*, а относительно \dot{z} наши учебники говорятъ, что это просто мягкое *e*, но не называютъ эту букву *јотированнымъ e*, признаваясь, что уже съ древнѣйшихъ временъ русскій языкъ утратилъ различіе между буквами *н* и *e*. Но тогда вопросъ: что-же такое мягкое *e*? Несомнѣнно, что гласная можетъ быть смягчена только посредствомъ *јотирования*. Съ другой стороны также несомнѣнно, что, если мы имѣемъ мягкія буквы *я* и *ю*, которыя суть *ja* и *ju*, то мы должны имѣть и мягкое *јотированное e*, столь же распространенное, какъ и другіе *јотированные* звуки, а это именно и будетъ *н* (ять), которое и названіе носить потому, что легко переходитъ въ *я* (*ja*); слѣдовательно, \dot{z} есть не что иное, какъ *je*. Что-же касается до древней двугласной *ю*, принимаемой за *јотированное e*, то ее собственно надо принимать за *ye* (съ удареніемъ на *e*) ¹⁾, которое можетъ сокращаться и переходить въ *ie*, *ye* и *e* или *ě* (въ *ie* и *ye*—или самостоятельно, или въ связи съ предшествующимъ *i*). Такъ какъ даже *й* появилось только въ XVI в., то ясно, что въ древнемъ начертаніи намъ нѣтъ возможности искать ключа для разъясненія загадки и для доказательства нашей мысли. Но анализъ звуковъ неизбежно приведетъ насъ къ справедливости нашей мысли. Возьмемъ старинное мѣстоименіе *и—я—ю*, которое надо начертать латинскими буквами такъ: *y—ya—ye*; отсюда изъ корней *s* и *с* образовались мѣстоименія; *sej* (*sy*)—*суа* или *sija*—*сye* или *sie* и *cej* (*cy*)—*суа*—*сye*. Отъ этого мѣстоименія *y* надо ожидать

¹⁾ Такое начертаніе я даю, чтобы показать, что *ю* есть сложный звукъ, въ которомъ должны слышаться отчетливо два звука: *ј* и *e*. Съ другой стороны такое начертаніе добыто мною путемъ анализа. Двугласная эта можетъ быть также обозначена черезъ двугласную *je* или *je*, если назвать послѣднюю твердымъ *je*, произносимымъ съ напряженіемъ.

род. п. *уего*, которое сокращается въ *iego* или *jego* и *ego*; въ древнемъ начертаніи род. п. писался *юго*; съ приставкою *и* писалось: *нюго*, *нѣмь* (= *пjего*, *пjемь*). Поэтому я совершенно правъ, обозначая древнюю двугласную *ю* чрезъ *ie*, при чемъ, произнося *ie* съ напряженіемъ, мы какъ разъ получимъ *јотированное e*. Далѣе, возьмемъ мѣстоименіе твой; оно склоняется такъ: твой—твоя—твою; это надо понимать: *twoj—twoya—twoye*, при сокращеніи *ya* перешло въ *ja*, а *ye*—въ *e* или *ѣ* (*jo*). Прилагательныя «болѣе», «менѣе» прежде писались: *болею—мнѣю* и составляли средній родъ отъ прилагат. *болій*, *меній*; правильно этотъ средній родъ надо изобразить *bolye—menye*; прилагат. худшее писалось: *хуждею* (= *chuzdeye*). Правильная степень сравненія писалась: *добрѣю* (ср. родъ), это=*dobryeye*, отсюда сокращ. *dobrjee* и *dobrjej*. Обратимся къ глаголамъ. Старинное *ѣмляши*=*yemlyeši*, *емлѣши*; *приѣмлять*=*prijemlyetъ*, отсюда *prjemlet*; *обрѣтають*=*obrijetayetъ*, отсюда *obrijetaet*; *ѣже* скажутся¹⁾ = *ieže* или *ježe skazayetsja* (= *skazaetsja*); *възмѣйтесь*=*wozsmjeyetesja*; *знаѣми*=*znayemi*. Но почему, напр., явилось *ю* въ глагольномъ окончаніи *ѣмляши*? Это оттого, что 1-е лицо отъ этого глагола=*ѣмл—ѣям* (такое окончаніе я написалъ вмѣсто *јотированнаго* большаго *юса*), а это=*jemlyam*, откуда 2-е лицо и будетъ *jemlyeši*, отсюда *jemleši*. Славянское *ѣсть* собственно должно произноситься какъ *yestъ* (= *ѣсть*), отсюда *iestъ* и *estъ*; *ne iestъ*=*njestъ*. Обратимся наконецъ къ существительнымъ. Слова *срѣтеніе*, *имѣніе* и др. имѣли на концѣ *ию*, т. е. *iye* или *ije* (*i* съ твердымъ *je*) или просто *ye*; также: *terniye*, *ljudiye*, *carstwiye božiye*. Изъ *srjeteniye*, *imjениye* и пр. образовались *srjetenie* и *srjetenъe*, *imjenie* и *imjenъe*. Возьмемъ еще: въ *Виолѣюмѣ Іудейстѣюмѣ* (= *w Withleyemje Judejsjeyemъ*). Въ этихъ примѣрахъ для насъ совершенно выясняется роль старинной двугласной *ю*. Изъ изложеннаго видно, что въ этой двугласной *ю* первоначально была совершенно строгая выдержанность, подъ нею разумѣлось твердое *e* съ призвукомъ *j*: постепенно напряженіе, съ которымъ произносилась эта двугласная, ослабѣвало, а можетъ быть и самое понятіе объ ней стало утрачиваться; вотъ почему эта двугласная сама собою и от-

¹⁾ Я пишу для упрощенія *ся* вмѣсто носоваго *сен*.

пала, но она дала крѣпкую закваску и обезпечила свое существованіе въ фонетическомъ отношеніи черезъ названіе буквы е посредствомъ «есть», которое прежде писалось: ѣсть.

Какъ я сказалъ, наши ученые называютъ *ь* мягкимъ *e*, но въ тоже время не причисляютъ его къ јотированнымъ гласнымъ, а считаютъ за јотированное *e* старинную двугласную *ѣ*. Теперь мы въ состояніи раскрыть этотъ гіероглифъ. Ясно, что *ѣ* есть јотированное *e*, но въ смыслѣ твердаго *йе* или *је*, произноси-маго съ напряженіемъ, такъ что ясно слышатся и *j* и *e*, почему можно также латинскими буквами обозначить *ѣ* черезъ *ye*, чтобы отличить отъ мягкаго *je*; затѣмъ *ѣ* можетъ переходить въ *іе*, *ѣе*, *e* и даже въ *j*. Что касается до *ь*, то, признавая его за мягкое *e*, надо согласиться, что это смягченіе можетъ быть достигнуто только при посредствѣ *j*, т. е. *ѣ=jе*. Но тогда какая же разница между обоими јотированными звуками *ѣ* и *ѣ̣*? Обратимся опять къ фонетическому анализу. Во всѣхъ случаяхъ *ѣ̣* является, дѣйствительно, мягкимъ *e*, что достигается полнымъ сліяніемъ *j* съ *e*, при чемъ *j* уже не выдѣляется какъ призвукъ. Но въ *ѣ* этого полнаго сліянія звуковъ нѣтъ: это обозначеніе имѣло цѣлью выдѣлить и звукъ *j*, и звукъ *e*. Вотъ почему мы слышимъ при этомъ ясный призвукъ *j* и вотъ почему я даю обозначеніе *ye*: при этомъ начертаніи вы слышите ясно и *j*оту, и звукъ *e*. Цѣль древняго начертанія *ѣ* была та, чтобы показать, что это јотированное *e* есть не мягкое *e*, какъ *ѣ̣*, а болѣе твердое. Въ этомъ мы убѣждаемся на дѣлѣ и другимъ способомъ, именно во многихъ словахъ старинное *ѣ* перешло въ *o*: церковно-славянскія *ѣдинъ*, *ѣзеро*, *ѣлень*. *ѣ*днако и пр. превратились въ *одинъ*, *озеро*, *олень*, однако; наоборотъ изъ латинскаго *oleum* образовалось церк.-слав. *ѣлей* (ср. нѣм. *öl*), а гора *ѣлеонская* нынѣ пишется черезъ *э*. Также возьмемъ нарѣчія *ѣгда*, отсюда когда, *ѣли*—коли, союзъ *ѣжели* отъ *ѣже*, мѣстоименіе *ѣликъ*, отсюда *коликій*; возьмемъ далѣе древнее мѣстоименіе *ѣтеръ* (ср. нѣм. *jeder*), которое имѣло значеніе другой, нѣкоторый; изъ этихъ примѣровъ мы убѣждаемся, что здѣсь *j* въ начертаніи *ѣ* играла самостоятельную роль и частью какъ-бы играла роль согласной. Яснѣй это выражается въ словахъ *ѣлдинъ*, *ѣврей* (=jellin, jewrej), при чемъ здѣсь *ѣ* замѣнило

латинское *he* ¹⁾. Этого съ *ѣ* случиться не можетъ. Конечно, когда *ю* и *ѣ* стоятъ въ началѣ слова, то различіе между ними въ произношеніи какъ-будто скрадывается. Вотъ почему, напр., поляки пишутъ единый, есть, ѣхать, ѣсть и др. одинаково черезъ *je*, а *ѣ* въ соединеніи съ согласной они обозначаютъ черезъ *ie*. Если ихъ удовлетворяетъ это начертаніе, то для насъ оно не подходитъ, потому что у насъ слишкомъ распространена двугласная *ie*, которую никакъ нельзя отождествлять съ *ѣ* ²⁾. Поэтому и съ этой стороны я совершенно правильно обозначилъ *ѣ* черезъ *je* и оставилъ за нимъ старое названіе *ятъ*.— Можно еще маленькую параллель привести изъ нѣмецкаго языка, въ которомъ въ древнія времена у (игрекъ) игралъ видную роль. У нѣмцевъ очень распространена фамилія *Meuer* (=Мейеръ), она произошла отъ слова *meier* (фермеръ, мызникъ), въ которомъ теперь пишутъ *i* вмѣсто *y*; такимъ образомъ *ye* (=ѣе или *ю*) здѣсь перешло въ простое *ie* (произношеніе въ обоихъ случаяхъ одинаковое: *mei-jeer* и *mei-er*).

Наше мѣстоименіе «этотъ» появилось въ болѣе позднія времена, когда уже брошено было писаніе *ю*. Но, еслибы это слово явилось въ болѣе отдаленныя времена, когда еще существовало *ю*, то нѣтъ сомнѣнія, что это слово писалось-бы какъ *ютотъ*, а произносилось-бы какъ *ѣетотъ*; это *ѣе* (=уе) не равносильно обыкновенному *ѣ*: оно тверже послѣдняго; вотъ почему и придумали новую букву *э* (открытое *e*) и стали писать *этотъ*, а между тѣмъ слово «этотъ» произносится двояко: какъ «этотъ»

¹⁾ При болѣе твердомъ произношеніи *j* можетъ превращаться въ твердый согласный звукъ. Это мы и видимъ у французовъ, у которыхъ *jota* во всѣхъ случаяхъ перешла въ согласный звукъ *ж*; у англичанъ *j* перешла въ *дж*. Ср. также: рус. желтый, нѣм. *gelb*, англ. *yellow*, фр. *jaune*. Наоборотъ, нашъ народъ вмѣсто генераль говоритъ: *женераль*.

²⁾ Одно это все-таки не составляетъ препятствія къ обозначенію *ѣ* черезъ *ie*, потому что легко придумать какое-нибудь отличіе между *ie* въ смыслѣ *ѣ* и двугласной *ie*, въ которой *i* и *e* не сливаются, напр. въ послѣднемъ случаѣ надъ *i* поставить двѣ точки вмѣсто одной (напр. *pieṭ̣ь*, *piesa*). Но намъ нѣтъ никакихъ резоновъ прибѣгать къ обозначенію *ѣ* черезъ *ie*, потому что, если мы можемъ обозначить мягкія *я* и *ю* черезъ *ja* и *ju*, то почему-же намъ не обозначать мягкое *e*, т. е. *ѣ*, черезъ *je*?

и какъ «іетотъ» или «јетотъ», что и является въ полномъ согласіи съ изложенными мною соображеніями; также теперь пишутъ эллинь вмѣсто ѱллинь, элеонъ вмѣсто ѱлеонъ и т. д.

Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ, что у нѣмцевъ је въ мѣстоименіяхъ и союзахъ играетъ столь же обширную роль (напр. jeder, jener, jemand, jedoch и пр.), какую у насъ въ старину играла приставка ѱ (ѱеликъ, ѱгда и пр.), что и указываетъ на сродство славянскаго ѱ съ нѣмецкимъ је. Возможно, что отсюда же произошли нѣм. ja, англійское yes, отвѣчающія русскому «да».

Въ концѣ концовъ мы получили цѣнныя руководящія данныя въ ученіи о звукѣ *н* и древней двугласной *ѱ*. Суммируя эти данныя, мы получимъ, что звукъ *ѣ* есть мягкое *је*, а двугласная *ѱ* есть твердое *је*. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ намъ пужно было показать, что *ѱ* есть двугласная, въ которой должны отчетливо слышаться два звука: *ј* и *е*, то мы вправѣ были твердое *је* обозначить черезъ двугласную *іе*, которая, будучи произнесена съ тѣмъ напряженіемъ, какое требуется для произнесенія согласнаго звука, и дастъ намъ твердое *јотированное е*. Вотъ почему я въ своей азбукѣ и провель рѣзкую разницу между *іе* и *ѣ*, обозначивши для упрощенія дѣла старинное *ѱ* черезъ *іе*. Поступилъ я такъ ради вступленія въ звуковой анализъ. Такимъ образомъ получается двойное *је*: 1) *твердое*, произносимое съ напряженіемъ, но безъ характернаго нажима языка, требуемаго для произношенія мягкихъ *јотированныхъ* звуковъ, ибо этотъ нажимъ замѣняется напряженіемъ, требуемымъ для произношенія согласнаго звука; такое *је = ѱ*; 2) *мягкое је* (*ятъ*), произносимое мягко, съ характернымъ нажимомъ языка.

Теперь, когда нами усвоена сущность *јотированныхъ* звуковъ *е*, можно еще задать вопросъ: можно-ли слова *этотъ*, *есть*, *если*, *ежели*, *единый*, *ель*, *едва*, *еще* и т. д. писать также и черезъ *је*? Конечно, можно, ибо вѣдь это именно и будетъ соответствовать старинной двугласной *ѱ*. Противорѣчія съ тѣмъ, что мною сказано въ моей азбукѣ о двугласныхъ *іе* и *је* нѣтъ, ибо подъ двугласной *іе*, произносимой съ напряженіемъ, я и разумѣлъ *ѱ*, а подъ *је* разумѣлъ мягкое *је*, тождественное съ

звукѣмъ ѣ: въ фонетическомъ отношеніи ѣ никакъ нельзя отождествлять съ ю, но въ графическомъ отношеніи они могутъ имѣть одно и тоже начертаніе је. Такое начертаніе не можетъ вести ни къ какимъ недоразумѣніямъ и не можетъ вести къ смѣшенію ю съ ѣ, ибо 1.) съ *н* начинаются только два глагола: ѣду и ѣмъ съ ихъ производными; 2.) *н* въ началѣ слова или слога въ произношеніи мало отличается отъ ю, подобно тому какъ и безусловно мягкіе звуки *л* и *ю*, становясь въ началѣ слова, пріобрѣтаютъ твердость (вотъ почему у насъ вмѣсто январь въ старину писали генварь); 3.) двугласная је пріобрѣтаетъ вполнѣ мягкій характеръ звука «ять» только послѣ согласной, сливаясь съ послѣдней въ одно цѣлое, въ одинъ слогъ. Изъ перечисленныхъ выше словъ только одно слово «есть» неудобно писать черезъ је, чтобы не смѣшать съ ѣсть. Поэтому для него можно сохранить и прежнее правописаніе, т. е. есть, при чемъ это намъ можетъ съ пользою послужить, чтобы указать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ буква *е* произносится какъ въ словѣ есть, но производная отъ слова «есть»: естество, если и т. д. лучше писать черезъ је.

Какое названіе дать для двугласной је? Можно сохранить старое названіе ять ¹⁾, при чемъ ять послѣ согласныхъ, въ началѣ корней отъ словъ ѣду и ѣмъ и наконецъ въ опредѣленныхъ окончаніяхъ будетъ называться: *мягкое ять*; во всѣхъ другихъ случаяхъ въ началѣ слова или слога и вообще поставленное не въ сочетаніи съ согласной, за исключеніемъ опредѣленныхъ окончаній, ять будетъ называться: *твердое ять*. Буква *е* будетъ произноситься слѣдующимъ образомъ: 1) какъ открытое *е* (=э) лишь въ немногихъ иностранныхъ словахъ (напр. экономъ, экваторъ, поэзія и т. д.), 2) какъ закрытое и обыкновенное *е* (напр. берегъ, безуміе и т. д.), иногда произносимое твердо (напр. гл. вѣсть, мѣсть и т. д.), 3) какъ мягкое *е* при опредѣленныхъ сочетаніяхъ съ согласными (напр. время,

¹⁾ Это названіе дано отъ глагола яти или ять, который наст. вр. имѣетъ емлю, послѣднее произносится какъ jemlju, т. е. какъ разъ на этомъ словѣ мы и видимъ переходъ је въ ја. Нельзя сомнѣваться, что это слово первоначально произошло отъ лат. *esto*—покупать, при чемъ впоследствии для значенія *купить* взяты другой корень (ср. нѣм. kaufen).

мелкій, читатель и т. д.), здѣсь не требуется писать *je* (= *ѣ*) по самому свойству сочетаній, 4.) какъ въ словѣ *есть*, т. е. какъ твердое *je*,— послѣ гласныхъ и послѣ буквы *ь* (за исключеніемъ опредѣленныхъ окончаній), напр. *имѣніе* и *имѣнье*, читаетъ. Въ послѣднемъ словѣ окончаніе *тъ* надо произносить какъ *jetъ* и при томъ твердо (= *ютъ*). Самый тупой ученикъ пойметъ, что здѣсь твердое *ять*, и въ самомъ худшемъ случаѣ напишетъ *citajet*, т. е. напишетъ въ сущности самымъ ученичѣйшимъ образомъ; тогда достаточно только напомнить ему, что здѣсь *j* излишня, ибо *e* послѣ гласныхъ произносится какъ твердое *je*. Далѣе, усвоеніе звука *ѣ* (мягкое *je*) въ немногихъ корняхъ не составитъ затрудненія, также теперь не составитъ затрудненія усвоеніе мягкаго *ять* въ извѣстныхъ окончаніяхъ. Послѣ этого каждому должно быть ясно, до какой степени теперь упрощается орѳографія буквы *ѣ* (мягкаго *je*) и вообще звуковъ *e*: она теперь ясна какъ на ладони. — Нѣсколько словъ еще прибавлю объ окончаніи предложнаго падежа въ существительныхъ на *е* и *ѣ*. Существительныя на *е* имѣютъ двоякое окончаніе предл. падежа: *и* и *тъ*, лучше употреблять окончаніе *и*, напр. *w imjeny* или *imjenji*; существительныя на *ѣ* имѣютъ окончаніе *тъ*, такимъ образомъ «въ бѣльѣ» надо-бы писать: *w bjelije* или *bjeljje* ¹⁾.

То, что нами сказано объ јотированныхъ звукахъ въ началѣ словъ, ведетъ еще къ огромнымъ упрощеніямъ въ пра-

¹⁾ Надо приучить свой глазъ къ тому, чтобы видѣть въ *je* на концѣ слова послѣ гласной или *ь* мягкое *je* (*ѣ*), руководясь тѣмъ, что, еслибы это было твердое *je*, то оно по правилу писалось-бы черезъ *e*. Но есть еще способъ обозначить *je* (*ѣ*) въ подобныхъ случаяхъ (см. стр. 23 и 24), т. е. писать *w beľe* или даже *w beľue*, также: *w Judee*, *Troe*, *k sudie*, *w statbe* и т. д. Такимъ образомъ начертаніе *e* съ точкой надъ нимъ можно было-бы съ пользой употреблять вмѣсто мягкаго *je* (*ѣ*) послѣ гласныхъ въ окончаніяхъ для того, чтобы избѣжать погрѣшностей противъ того основнаго правила, что послѣ гласныхъ и буквы *ь* простое *e* произносится какъ твердое *je* и что въ такихъ случаяхъ, если пишется *je*, то оно, за исключеніемъ опредѣленныхъ окончаній, тоже произносится какъ твердое *je*. Отсюда правило писать *é* вмѣсто мягкаго *je* можно распространить для однообразія и на всѣ случаи, за исключеніемъ словъ: *ѣду* и *ѣмъ* съ ихъ производными (но надо писать: *obéd*, а не *objed* и т. д.).

вописаніи словъ, начинающихся съ јоты. Такимъ образомъ будетъ правильно писать: janwarъ, junъ, julъ, judei, jezuit, jubilej и т. д.

Теперь мы убѣдились, что введеніе новой буквы ј въ русскую азбуку вносить свѣтъ въ самую темную и въ самую большую часть нашей орѳографіи. Посему введеніе буквы ј и јотированныхъ гласныхъ въ нашу азбуку является безусловно необходимымъ.

Когда уяснены принципы орѳографіи, то развитіе этихъ принциповъ есть дѣло въ высшей степени легкое и доступное каждому. Изъ того, что нами выяснено на страницахъ азбуки, подведемъ итоги и выскажемъ планъ будущей орѳографіи ¹⁾.

1) Звукъ ѣ (мягкое је) встрѣчается въ корняхъ, изъ которыхъ въ началѣ словъ — только въ двухъ словахъ (ѣду и ѣмъ), въ остальныхъ же случаяхъ — всегда послѣ согласной, затѣмъ въ опредѣленныхъ флексіонныхъ окончаніяхъ и только въ немногихъ суффиксахъ. 2) Звукъ ю (твердое је) встрѣчается въ каждомъ словѣ, начинающемся съ е, за исключеніемъ ѣду и ѣмъ, но никогда не встрѣчается въ корнѣ послѣ согласной,

¹⁾ На предшествующихъ страницахъ я изложилъ систему азбуки строго придерживаясь, чтобы ѵ вездѣ сохранило первичное начертаніе је. Теперь я излагаю дальнѣйшій процессъ упрощенія азбуки, уже отчасти мною намѣченный на стр. 16 и 22—24, — принимая, что всѣ јотированныя гласныя, слѣдуя послѣ согласныхъ, суть мягкія, поставленныя же самостоятельно произносятся болѣе твердо съ яснымъ призвукомъ ј. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ должны имѣть полное обозначеніе: ја, је (послѣднее только въ началѣ словъ и послѣ префиксовъ), јо и ји (јі я сюда не причисляю, потому что оно = ѵи), но въ качествѣ мягкихъ звуковъ (послѣ согласныхъ) онѣ могутъ быть обозначены: съ надписными јотами—â (я) и ù (ю) и постарому—ë вмѣсто јо; что-же касается до мягкаго је (ѣ), то въ словахъ ѣду и ѣмъ оно будетъ обозначаться черезъ је, въ корняхъ послѣ согласной и въ окончаніяхъ черезъ ё. Такая система, конечно, нисколько не похожа на систему академиковъ, въ которой безразлично смѣшаны всѣ звуки е. Къ этому я долженъ добавить, что первоначально на стр. 16 я выразилъ идею для обозначенія мягкихъ јотированныхъ звуковъ употреблять гласныя съ подписными точками. На стр. 23 я для обозначенія ѵ прибѣгъ къ надписной јотѣ. Послѣ этого я окончательно убѣдился, что гораздо удобнѣе употреблять надписныя точки для всѣхъ вообще мягкихъ јотированныхъ звуковъ.

затѣмъ въ суффиксахъ и флексіяхъ встрѣчается по правилу послѣ гласной, за нѣкоторыми исключеніями, когда полагается мягкое *je* (Ѣ); въ глагольныхъ окончаніяхъ *ешь*, *еть* и т. д. обязательно твердое *je* (въ древности писали *ю* въ такихъ случаяхъ послѣ гласныхъ и послѣ согласной *л*, напр. глагольть, — въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, для того, чтобы не дать возможности произнести сочетаніе *летъ* мягко). Отсюда слѣдуетъ, что каждое слово, начинающееся съ *e*, должно писаться черезъ *je*, за исключеніемъ иностранныхъ словъ (*Европа*, *Египет*, *эконом* и т. д.). Слѣдовательно, надо писать: *jego* (*njego*), *jemu* (*njemu*), *jej* (*njej*), *jesli*, *jezeli*, *jedinŭ*, *jedwa*, *jeŝe*, *jer*, *jeri*, *jeŝelj*, *jezi* (им. п. ед. ч. *joz*) и т. д., но теперешнее «*есть*» надо писать: *estj* въ отличіе отъ *ѣсть* (*jestj*), сущ. ели можетъ писаться одинаково съ глаг. *jeli* (ѣли) и т. д. Такъ какъ въ корнѣ послѣ согласной никогда не бываетъ твердое *je*, то, значить, въ такихъ случаяхъ можетъ стоять только или *e* мягкое (Ѣ=мягкое *je*), или *e* простое и закрытое. Поэтому здѣсь можно установить 2 принципа орфографіи: 1) тамъ, гдѣ сочетаніе звуковъ уже указываетъ на мягкій звукъ *e*, писаніе *ь* излишне само по себѣ (напр. мелкій, племенной, стремленіе, слепой и т. д.), за нѣкоторыми исключеніями (напр. *лѣтъ*, *лѣс* и т. д.). 2) При употребленіи различительныхъ знаковъ для *ь* и чистаго звука *e* должно руководиться главнымъ образомъ потребностями различенія сходныхъ словъ. Такимъ образомъ получимъ (см. также стр. 23 и 24): *wedi*—*wédi*, *swedenie*—*swédenie*, *reku*—*réku*, *béz*—*bes*, *léstj*—*léztj*, *né moj*—*némoj*, *nékogda*—*nékogda*, *westj*—*wéstj* и т. д. Остаются окончанія (суффиксы и флексіи): въ нихъ, если требуется мягкое *je* (Ѣ), должно писать *e* съ надписной *јотой*, напр. *w belé* или *belyé*, *na skamyé* (также: *skamyé*), *na konэ. welétъ* ¹⁾, *o žitě*—*bītě*, *tém*, *té*, *wsé* и т. д. Само собою разумѣется, что въ окончаніяхъ на *ель* и *ей* писаніе *ь* является излишнимъ (напр. апрель, злодей и т. д.). Но тамъ, гдѣ требуется твердое *je* (=ю), будетъ ставиться *e* безъ надписной *јоты*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ также *уе* или *је* (напр. *iménie* или *iménье*, также *iménye*). Глагольные флек-

¹⁾ Буква *ь* можетъ обозначаться, помимо теперешняго обозначенія, посредствомъ *i*, *j* и *у*. Я употребляю здѣсь всѣ эти способы, чтобы приучить читателя къ нимъ.

сіи: ешь, еть и т. д. должны произноситься твердо, писаться могут во всѣхъ случаяхъ черезъ *e*. Наконецъ, остаются еще степени сравненія; получимъ: *dobrée—dobřej, swezej, sinej*, тогда род. п. ед. ч. ж. р. будетъ *swezej, sinej* вмѣсто древнихъ *swezej, sinej*; наоборотъ, если сравн. степень писать *swezej, sinej*, т. е. безъ *ѣ*, тогда р. п. ед. ч. ж. р. должно писать *swezej, sinej* (и даже *swezej, sinej*, приче́мъ же разумѣется твердое). Что касается до *з*, то ясно, что онъ упадетъ слѣдующимъ образомъ: *obéd—objedki, sél—sjel, objekt, obazateľstwo* и т. д., т. е. во всѣхъ случаяхъ *j* будетъ играть роль раздѣлительнаго знака, какъ и во всѣхъ другихъ языкахъ. Слѣдовательно, јотированное *e* въ видѣ полнаго *je* будетъ стоять только въ началѣ словъ и послѣ префиксовъ (*jestj, sjestj*), въ окончаніяхъ же будетъ замѣнено для обозначенія мягкаго *je* (ѣ) черезъ *é* и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ ставиться *ye* или *je* для обозначенія твердаго *je*. Полныя јотированныя *a* и *u* будутъ ставиться только тогда, когда они стоятъ независимо (*jawlenie, objawlenie, sejatelj* и т. д.), но послѣ согласныхъ замѣнятся посредствомъ *a* и *u* съ надписной јотой (*à* и *ù*), напр. *tàtà, wremà, lùbitj* и т. д. Для звука *jo* послѣ согласныхъ останется *ë* (*wëł, nës, mël, smël* и т. д.; также: *wsë—wsëm* въ отличіе отъ *wsè—wsém* и т. д.). Сочетаніе *ьи* будетъ обозначаться посредствомъ *ji*. — Ясно, что теперь перспективы упрощеній огромныя и при всемъ томъ всякое обозначеніе теперь будетъ понятно и вразумительно для каждаго, а въ тоже время рельефно и выразительно. Все это мы приобрѣтаемъ только благодаря введенію буквы *j*. Не могу не высказать здѣсь также предположенія, что, благодаря именно обилію јотированныхъ звуковъ, какъ русскій языкъ, такъ и другія славянскія нарѣчія сохранили близость къ древнему славянскому языку, тогда какъ всѣ европейскіе языки слишкомъ далеко ушли отъ своего первоисточника, при чемъ самыя близкіе родственные народы часто не понимаютъ другъ друга вслѣдствіе огромныхъ различій въ нарѣчіяхъ. У насъ въ Россіи ничего подобнаго нѣтъ: на всемъ необъятномъ протяженіи господствуетъ одинъ и тотъ-же языкъ. Это можно сравнить съ тѣмъ, что рѣзко отчеканенная монета сохраняетъ навсегда свою форму, не стирается. Затѣмъ, на западѣ чистота языка поддерживается литературой, у насъ же литературный языкъ вполне слился съ народнымъ и питается изъ послѣдняго.

Уклонившись отъ введенія буквы *j* вмѣсто *й*, комиссія продолжала идти и далѣе по этому пути и исключила *i* вмѣсто того, чтобы исключить *и*. Должно быть, она сдѣлала это, чтобы русскую азбуку еще болѣе отдалить отъ европейской. Всѣ разсужденія комиссії (стр. 4) до такой степени искусственны, что не стоит и опровергать ихъ. Скажу только, что надо принимать въ расчетъ не только легкость писанія, но и легкость чтенія и продолжительность писанія.

Уничтожить *з* на концѣ совершенно разумно и правильно. Но прежде всего требовалось установить, что каждая согласная, произносимая отдѣльно, произносится твердо или мягко. Если она не сопровождается никакимъ знакомъ или сопровождается твердымъ знакомъ, то, значить, произносится твердо, а если она сопровождается мягкимъ знакомъ, то, значить, произносится мягко. Такое объясненіе естественно и просто, а потому нѣтъ основаній уничтожать *з* въ серединѣ словъ, замѣняя его посредствомъ *ь*, и тѣмъ создавать искаженіе языка, ибо *ь* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Кромѣ того, я уже сказалъ, что *з* содержится въ *и* ($=z+i$). Вводя вмѣсто *з* букву *ь*, комиссія между прочимъ сочиняетъ новые префиксы: *объ* (не отъ Сибирской-ли рѣки *Обь*?), *сь*, *подь* (не отъ глагола-ли пойти въ смыслѣ: *подь* прочь?), *изь* и т. д. Все это совершенно неестественно. Предлагаю написать слово «сѣумасшедшій». Если писать «сумасшедшій», то ребенокъ можетъ подумать что это—нищенская сума; вы должны умѣть растолковать ему, что это—сѣума. Написать же «сѣумасшедшій» прямо нелѣпо; также нелѣпо написать сѣизнова вмѣсто сѣизнова ($=сѣизнова$). Будетъ-ли комиссія притягивать букву *ь* для объясненія словообразованія, напр. въ словахъ: обыскъ (*объ-искъ*), сыскъ (*сь-искъ*), быть (*бъ-ить*), старый (*старь-ій*), стары (*старь-і*) и т. д.? Но самое главное—комиссія упустила изъ вида, что буквы *з* и *ь* суть полугласныя и въ старину часто ставились вмѣсто гласныхъ; надо понимать переходъ *з* и *ь* въ гласные и обратно, напр. *пю* стало *пью*, *бію*—*бью*, *миѣніе*—*миѣнье*, вмѣсто *добрѣта* стало: *доброта*, также въ предлогахъ *з* часто переходитъ въ гласную *о*. Посему отнюдь нельзя писать «объемъ», ибо вѣдь есть еще глаголъ *обить*. Вообще произношеніе само по себѣ отнюдь не можетъ служить закономъ для начертанія. Если мы пишемъ:

изъявить, въявь и т. д., то это не значитъ, что такъ и должно произносить: орѳографія существуетъ не для того, чтобы учить произношенію, а это означаетъ только подлинный составъ словъ, каждому понятный, но начертаніе: изъявить, въявь, съизнова имѣть уже тенденцію фиксировать сомнительное произношеніе, а въ тоже время калѣчить подлинный составъ словъ. По правописанію комиссіи надо писать: объѣдать, объегорить, объявленіе. Такъ отчего же не идти и далѣе и не писать: объ ѣдѣ, объ явленіи, объ Егорѣ, подъ елю и т. д.? Затѣмъ подобное правописаніе коверкаетъ иностранныя слова: объект, объектив и т. д. Не мѣшаетъ имѣть въ виду и психологическій законъ ассоціацій представленій. Возьмемъ слова: объятія, опьянѣніе и т. д. Не явится-ли въ послѣдствіи по ассоціаціи мысль производить слово объятія отъ гл. бить? Наконецъ, посмотримъ, какъ мы сами поступаемъ, беря иностранныя слова: въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы ихъ беремъ въ иностранной транскрипціи, напр. officer (officier), transport, buket (bouquet), paquet, parquet, buffet, akcent (accent), koncert (concert), akkord (accord), akkompagnement (accompagnement), intendant, pretenzija и т. д. Я потому такъ долго остановился на этомъ вопрѣсѣ, чтобы доказать окончательно, что фонетическое правописаніе, заимствованное изъ сомнительнаго источника (напр. отъ московскихъ просвирницъ), положительно не заслуживаетъ подражанія.

Послѣ этого само собою становится ясно, что правила, преподаваемые на стр. 5 и 6 о томъ, чтобы не писать *ъ* послѣ *ж*, *ш*, *ч* и *щ*, совершенно нераціональны. Отнюдь нельзя писать рожь вмѣсто рожъ, иначе это было-бы quasi-омонимомъ съ рожъ, нельзя писать вещь вмѣсто вещь (теоретически возможно еще слово «вѣщъ») и т. д. Затѣмъ, при написаніи рожъ, вещь вамъ понятно склоненіе: ржи, вещи и т. д., т. е. переходъ буквы *ъ* въ *і*, безъ чего самое склоненіе являлось-бы не отвѣчающимъ закону перехода одной буквы въ другую. Въ сущности вѣдь въ окончаніи, напр., слова рожъ *ъ* замѣняетъ собою *й* (= *ј*). Съ уничтоженіемъ *ъ* въ этихъ случаяхъ можетъ происходить безцѣльная путаница: возьмите суц. и гл. клич— кличь, плач— плачь; также обратите вниманіе на искалѣченіе глаголовъ въ неопред. накл.: печ - береч и т. д. вмѣсто печь, беречь (печься, беречься).

Разсужденія комиссіи на 6 стр. о дѣлесообразности и желательности приближенія письма къ живому произношенію не оправдываются ея опытами. Естественное, живое начертаніе словъ, содержащихъ звукъ *je*, она отвергла, а въ другихъ случаяхъ ради принципа приближенія письма къ живому произношенію она вводитъ правила, которыя съ одной стороны спорны, а съ другой стороны вовсе не составляютъ такихъ нововведеній, отъ которыхъ-бы могло зависѣть искусство грамотности. Итакъ, скажемъ, существующее правило для 1-го спряженія въ наст. и буд. вр.: *еишь* и *ѣишь*, *етъ* и *ѣтъ* и т. д. должно теперь имѣть исключеніе: *лжонь*, *лжоть* и т. д. Также не велико пріобрѣтеніе писать еще вмѣсто еще, шоль вмѣсто шель и т. д. Не было-бы ошибкой также писать чернѣй, желтѣй, печенка (ср. селезенка) и т. д. Говоря это, я въ принципѣ не иду противъ предложенія комиссіи, но я хочу сказать, что надо болѣе рационально обосновать предлагаемое правописаніе. Сущность дѣла въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ твердое *e*, которое уже легко переходитъ въ *ѣ* и *o*. Такимъ образомъ: пчела—пчолка, печень—печонка и т. д. Наоборотъ, по сохраненію звука *e* въ производныхъ словахъ мы вправѣ утверждать, что первоначально и въ основныхъ словахъ *e* произносилось не переходя въ *ѣ* и *o*; вотъ почему мы имѣемъ: чернѣй—черно, желтѣй—желто, лжоть—лжець, шоль—шедши и т. д. Но отсюда можно установить правило: нѣтъ ошибки послѣ буквы *ц* и шипящихъ писать *o*, если слышится ясно звукъ *o*, но нѣтъ ошибки писать *e*, если производныя сохраняютъ этотъ звукъ. Объясненіе, что такой переходъ свойственъ только твердому *e*, дѣлаетъ намъ яснымъ весь вопросъ. А между тѣмъ этотъ фактъ именно и упущенъ академикомъ Гротомъ въ его обширномъ и дѣльномъ толкованіи (стр. 13 и слѣд. «рус. правопис.»): конечно, послѣдующіе звуки вліяютъ на переходъ *e* въ *ѣ* и *o*, но суть-то все-таки содержитсяъ въ самомъ звукѣ *e*; вотъ почему мы имѣемъ: пѣшь, пѣте, зарѣю, всё, еѣ, чѣѣ, жель—жолка, жож—жежі, вестъ—вѣл—водитъ и т. д. Предложенное мною для объясненія этого процесса названіе «твердое *e*» какъ нельзя лучше характеризуетъ сущность дѣла. Но, еслибы меня спросили, что я называю твердымъ *e*, то я-бы сказалъ, что это есть усѣченное твердое *je* (=ю), которое, находясь послѣ гласной,

произносится какъ твердое *je*, а находясь послѣ согласной, произносится безъ призвука *j*, но съ твердостью, присущею звуку *ю*. Древнее возмѣются мы теперь стали-бы писать: возмѣются. Такимъ образомъ ученіе о твердомъ *e* и мягкомъ *e* является въ полной гармоніи съ ученіемъ о твердомъ *je* (= *ю*) и мягкомъ *je* (= *ѣ*). Такое ученіе гораздо ближе къ русскому языку, чѣмъ ученіе о закрытомъ и открытомъ *e*, заимствованное съ иностранныхъ языковъ. Съ точки зрѣнія предлагаемаго мною ученія, твердое *e* становясь свободнымъ въ открытомъ или закрытомъ слогѣ (*её*, *ёлка* и т. д.) и принимая *устойчивое* удареніе, переходитъ въ *ё* и *о*. Въ первомъ слогѣ слова *её* и въ словѣ *ель* звукъ *e* = твердому *je*, но въ первомъ случаѣ *e* стоитъ безъ ударенія, а во второмъ случаѣ звукъ *je* безъ перехода въ *jo* отчетливѣй сохраняетъ свою твердость. Въ другихъ случаяхъ удареніе надъ *e* не имѣетъ характера устойчивости, въ силу чего и недопустимъ переходъ въ *ё*, напр. *весть* сокращено отъ *вести*, также *плеть*—*плетями*, *червь*—*червями* и т. д. Разница между прилаг. и прич. совершенный и совершённый объясняется самымъ характеромъ звуковъ *e*: въ прилаг. звукъ *e* не имѣетъ характера твердости. Такъ просто рѣшается вопросъ при правильномъ освѣщеніи!

Нельзя похвалить также нововведенія комиссіи, вызванныя, по ея мнѣнію, требованіями русской этимологіи. Она обязываетъ вмѣсто *расти*, *расту* и т. д. писать: *рости*, *росту* (потому что прош. вр. *росъ*). Ну, а возрастъ, возрастить, выращивать, сращеніе, приращеніе? Слово «растеніе» комиссія не хочетъ принимать въ расчетъ, называя его словомъ книжнымъ (примѣч. на стр. 7), ибо вѣдь она сочиняетъ свою орфографію для людей, не искусенныхъ въ книжномъ искусствѣ. По моему мнѣнію, можно писать и *рости*, и *расти*. До нѣкоторой степени примѣтой для правописанія словъ, происшедшихъ отъ *рости* или *расти*, можетъ служить то, что въ значеніи средняго залога чаще пишется *о*, въ значеніи дѣйствительнаго—*а* (*вырости*, народное *вырастить*—книжное *возрастить*, *выращивать* и т. д.).

Писаніе: *ропись*, *розчеркъ*, *разпятіе*, *возпріятіе* и т. д. есть насиліе надъ живою рѣчью и надъ орфографіею. Однако, комиссія не дерзнула писать *возтокъ* вмѣсто *востокъ*, говоря,

что приставка здѣсь тѣсно срослась съ корнемъ. Такъ отчего же тогоже нельзя сказать о цѣлой массѣ словъ: роспись, распятіе, воспріятіе, воскресеніе, исходъ, восходъ, расходъ, расколъ, восклицаніе, восторгъ, восхищеніе, испытаніе, искушеніе, искусство и т. д.? Затѣмъ, мы пишемъ всегда: расположеніе духа, а относительно географическаго расположенія иногда пишемъ: разположеніе; также: человѣкъ расположенъ (о настроеніи) и мѣстность разположена. Ясно, что канцелярскихъ постановленій нельзя дѣлать относительно законовъ живой рѣчи и письма ни въ фонетическомъ, ни въ этимологическомъ отношеніяхъ.

Отнюдь нельзя также рекомендовать безграмотнаго писанія идти (стр. 8) вмѣсто итти, потому что наст. вр. иду, т. е. если ввести букву *д* изъ иду въ неопред. наклоненіе, то въ силу законовъ сочетанія согласныхъ мы получимъ исти, а не идти (напр. отъ веду—вести вмѣсто вести).

Я ничего не имѣю относительно окончанія род. п. прилаг.: ого—его, хотя правильнѣй было-бы допустить писаніе какъ ого, такъ и аго, если держаться теперешнихъ правилъ склоненія (сравните: большій—большаго, большой—большого, свѣжій—свѣжаго, чужой—ого, самый—самаго, самъ—самого). Но относительно им. п. я возстаю. Итакъ только ударяемая слова на ой (большой, слѣпой и т. д.) должны имѣть ой, въ противномъ случаѣ надо писать ый уже по той причинѣ, что во мнѣж. ч. мы имѣемъ *ы* (*мы* и *мы*). Затѣмъ все-таки, напр., въ словахъ добрый, старый, слабый и т. д. слышится *ы*, а не *о*; далѣе, неударяемое *ы* можно произносить какъ *о* и *а*, но *о* нельзя произносить какъ *ы*, ибо по законамъ фонетики звукъ *ы* можетъ превращаться въ *о* и въ *ов* (рыть—ровъ, добрый—Добровъ, земный—земной и т. д.), но не наоборотъ. Наконецъ, самая исторія языка требуетъ *ий* и *ій*, а не *ой* и *ей*. Такъ, склоненіе прилагательныхъ произошло отъ усѣченной формы, къ которой прибавлено склоняемое мѣстоименіе *и—я—ю*. Стало быть: добръ-и, добра-я, добро-ю. Итакъ слѣдуетъ: добрый—добрая—доброе, синій—синяя—синее (здѣсь въ женск. родѣ для упрощенія письма можно-бы свободно писать съ однимъ *я*, т. е. синя вмѣсто синяя, а произносить съ двумя *я*, т. е. синяя). Но еще съ большимъ правомъ можно для склоненія прилаг. синій

предложить слѣдующія окончанія: синій—синія—синіе ¹⁾. Начертаніе *ей* вмѣсто *ій* неестественно, потому что множ. ч. *іе* и *ія*; кромѣ того, оно совершенно неумѣство уже и потому, что комиссія, отвергая *ій* и *н*, создаетъ quasi—омонимы: свѣжій—свѣжей—свѣжѣй, синій—синей—синѣй, искренній—искренней—искреннѣй и т. д. Зато для множ. ч. я предлагаю дѣйствительное упрощеніе: именно въ им. п. для всѣхъ родовъ окончаніе *ми* и *и* (добрыі, синіі). Въ древнемъ церк.-слав. языкѣ это окончаніе было только для муж. рода ²⁾, но мы упростимъ и введемъ *и* (т. е. *ми*, *и*) для всѣхъ родовъ, при произношеніи же можемъ произносить—какъ кто привыкъ. Вотъ такое упрощеніе есть дѣйствительное, а не мнимое, не искусственное. Что касается склоненія относительныхъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *и* на *ій* (напр. божій), то и для нихъ должно остаться *ій*, потому что множ. ч. *и* или *ми*, во всѣхъ остальныхъ окончаніяхъ руководствомъ должно служить склоненіе мѣстоименія: чей (чій), чья, чье, при чемъ *ь* не можетъ быть выбрасываемо, какъ замѣняющее букву *і*.

Систематизируя типы склоненій прилагательныхъ въ связи съ мѣстоименіями, мы можемъ установить, что образцомъ склоненія прилагательныхъ на *ий* и *ой* въ единственномъ числѣ будетъ служить мѣстоименіе: какой—ая—ое. Прилагательныя, имѣющія теперь окончанія: *ій—яя—ее* (синій, карій, тепе-

¹⁾ Латинскими буквами эти окончанія надо изобразить такъ: *sinu—sinua—sinue*. Такое начертаніе въ высшей степени цѣлесообразно, потому что *і*, содержащееся въ *у*, можетъ быть приравнено къ буквѣ *ь* въ ея древнемъ употребленіи, когда она замѣняла, помимо буквы *і*, также краткіе звуки *е* и *а*, а равно соединительные и флексіонные звуки. Начертаніе, передаваемое мною теперешними буквами (синій—синія—синіе), конечно, менѣе удовлетворительно, но все-таки оно естественнѣй, чѣмъ принятое теперь (синій—синія—синее); такое начертаніе никакой путаницы не вызоветъ, если множ. ч. принять *и*.

²⁾ Окончанія, напр., прилагательнаго добрый въ древности были во мн. ч. въ ж. р. добрыѣн (јотир. малый юсь), ср. р. добрая.—На стр. 4 и 12 комиссія указываетъ, что древне-русскія окончанія были: *ми* и *и*; но окончанія эти до такой степени безграмотны, что можно только удивляться, что они могли существовать въ какой-либо рукописи, но сослаться на такую безграмотную рукопись, конечно, нѣтъ резоновъ.

решній, зимній и т. д.), должны-бы имѣть слѣдующія окончанія: *ій—ія—іе* и такимъ образомъ должны-бы склоняться по образцу мѣстоименія *сей (сій)—сія—сіе*. Образцомъ для склоненія относительныхъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *и* (напр. божій, человѣчій, лисій) должно служить, какъ сказано, мѣстоименіе *чей (чій)—чья—чье*. Склоненіе прилагательныхъ съ суффиксомъ *к*, напр. великій, высокій, не представляетъ затрудненій (окончанія должны быть: *ій—ая—ое*, род. п. *ою—ой—ою* и т. д.). Но по какому образцу надо склонять прилагательныя съ шипящими звуками *ж, ш, ч* и *щ* передъ окончаніемъ (напр. свѣжій, хорошій, горячій, будущій)? Я-бы назвалъ склоненіе такихъ прилагательныхъ смѣшаннымъ, если ихъ склонять по теперешнимъ правиламъ: напр. большій—ая—ее, горячій—ая—ее (род. п. *ою—ей—ою* и т. д.), но можно ихъ склонять также и по измѣненному мною образцу склоненія прилаг. синій, т. е. горячій—ія—іе (род. п. *его—ей—его*). Если такъ, то род. п. для всѣхъ случаевъ можно принять *ою* (старого, большого, великого) и *ею* (синего, большого, горячего).

Предлагаемая мною система склоненій прилагательныхъ только въ первый моментъ можетъ показаться нѣсколько дикою вслѣдствіе непривычки, а также и вслѣдствіе привязанности къ схоластикѣ, но, принимая во вниманіе огромныя выгоды отъ упрощенія, затѣмъ фонетическую согласованность и научную обоснованность, нельзя не согласиться, что эта система имѣетъ огромныя преимущества. При помощи этой системы преподаватель дастъ возможность ученику сразу усвоить трудный отдѣлъ—склоненіе и правописаніе прилагательныхъ, при чемъ всѣ виды склоненій являются сразу наглядными, понятными и доступными каждому: даже самый тупой ученикъ быстро будетъ въ состояніи писать прилагательныя грамотно и осмысленно. Итакъ пусть ученые схоластики пишутъ постарому, но кто, дѣйствительно, хлопочетъ объ упрощеніи правописанія ради интересовъ народа, тотъ приметъ мою систему. Выгода ея состоитъ еще и въ томъ, что, какъ-бы кто ни писалъ, никакой путаницы вытти не можетъ при условіи, если имен. п. множ. ч. принять для всѣхъ родовъ *иі* и *іі*; такимъ образомъ при кажущейся пестротѣ правописанія прилагательныхъ, если

писать въ единственномъ числѣ на разные лады, мы все-таки получимъ удивительную простоту при сохраненіи единства принциповъ правописанія. Если мы будемъ писать окончанія прилагательныхъ во множ. ч. *yi* и *ii*, то установимъ точность начертанія при сохраненіи свободы произношенія, безъ всякаго насилія надъ живой рѣчью, ибо при начертаніи *yi* и *ii* каждому понятно, что это им. п. множ. ч. для всѣхъ родовъ, слѣдовательно каждый будетъ совершенно непринужденно произносить такъ, какъ онъ научился или привыкъ. Это и есть идеальное народнаго письма, именно дать основы начертанія безъ насилія надъ живой рѣчью. Въ общемъ можно сказать: предоставимъ рѣшить этотъ вопросъ будущимъ поколѣніямъ, которыя будутъ воспитаны, не будучи опутаны тою сѣтью схоластики, въ которой мы воспитаны и живемъ.

Что касается до мѣстоименія *я* (стр. 13), то я-бы не сталъ настаивать на уничтоженіи этой формы, чтобы не разрывать связи съ исторіей языка и съ церк.-слав. языкомъ. Итакъ можно писать: *я* и *ея*, у нея, у ней, у неё. Здѣсь кстати прибавлю, что въ склоненіи мѣстоименія онъ, замѣнившаго старинное *и—я—ю*, слышатся: *јега*, *јеја*, *јему*, *јеј* и т. д.,—въ древнемъ церк.-слав. языкѣ это писалось черезъ *ю*, которое, какъ я показалъ, равняется твердому *је*. Разумѣется, правильнѣй было бы и теперь возобновить старинное писаніе. Съ своей стороны я предлагаю слѣдующія начертанія: *јега—пјега*, *јему—пјему*, *јеја—пјеја*, *јеј—пјеј*, *јеја—пјеја* (менѣе хорошо: *ея—нея*), *јеју—пјеју* и т. д.; основанія этому изложены выше. Такія начертанія въ высшей степени рельефно передаютъ сущность звуковъ, а потому ихъ безусловно надо предпочесть теперешнему правописанію, несмотря на его кажущуюся простоту.

Въ заключеніе всѣ разобранныя мною предложенія комиссіи можно резюмировать такъ: она преподаетъ новыя правила антиорѳографіи или анорѳографіи, обязываетъ изучить ихъ, для этого не преминетъ составить новую грамматику и за несоблюденіе этихъ «правиль безграмотности» будетъ ставить учащимся единицы. Изучать то, что разумно и естественно,—легко и пріятно; но изучать то, что насилуетъ рѣчь и письмо, что противно природѣ вещей,—изучать то, что необъяснимо ни зако-

нами логики, ни законами фонетики, ни законами и исторіей языка, это занятіе болѣе трудно, чѣмъ изучать китайскую грамоту.

Я не сомнѣваюсь, что теперешняя орѳографія и самая азбука трудны и схоластичны. Я не сомнѣваюсь, что это-то и тормозитъ распространеніе грамотности, дѣлая ее мало доступною. Но по существу дѣла орѳографическая комиссія только еще болѣе усилила схоластику; еще болѣе нарушила согласованіе письма съ живою рѣчью. Наше дѣло подмѣчать, наблюдать, но не искажать языка. Если вы слышите: сядло, пятаухъ, сляпой, сядой, даже «йонъ» и «йаго» и т. д., то не должны морщиться, ибо передъ вами говоръ истинно русскаго языка; также отвѣчаетъ законамъ языка произношеніе: сусѣдъ, сумнѣніе и т. д., ибо это *y* произошло изъ юсовъ. Обильно питаясь и вскармливаясь богатѣйшимъ русскимъ языкомъ, взамѣнъ этого нельзя нести народу камень вмѣсто хлѣба подъ видомъ чертовой, схоластической, мертвой азбуки и орѳографіи. Можно-ли удивляться, что мертвечина даетъ и будетъ давать хилые выходы? Итакъ дайте народу способъ писать своимъ собственнымъ письменнымъ языкомъ, а не вашимъ искусственнымъ: дивный устный языкъ, ставшій теперь достояніемъ литературнаго языка, онъ самъ создалъ, но письменные знаки до сихъ поръ не только не приближались къ народу, но все болѣе и болѣе отдалялись отъ него. Вотъ причина того, что мы уже въ теченіе многихъ столѣтій не видимъ и слѣдовъ народнаго творчества, которымъ такъ богаты были древніе вѣка. Первоначальная кириллица, несмотря на ея недостатки, довольно близко стояла къ живой разговорной рѣчи и болѣе или менѣе служила отраженіемъ ея. Прошли вѣка: азбука кажется упрощенной до неузнаваемости, но эти упрощенія по большей части схоластическаго свойства. Сначала были уничтожены юсы, т. е. носовые звуки, какіе теперь сохранились въ франц. языкѣ, но остатки ихъ, сохранившіеся у насъ, являются для насъ, съ уничтоженіемъ самихъ юсовъ, мало понятными (напр. звукъ отъ лат. *sonus*—звонкій, бряцать—бренчать, имя—имени, пять отъ греч. ΠΕΝΤΑ, суть отъ лат. *sunt*, голубъ отъ лат. *columba*, языкъ отъ лат. *lingua* и т. д.); всего болѣе сохранилось юсовъ въ другихъ славян-

скихъ нарѣчійхъ (напр. рус. дубъ — польск. домбъ, польск. вензель отъ глаг. вязать и т. д.). Теперь иногда только путемъ кропотливаго труда можно установить близость корней въ родственныхъ языкахъ (ср. рус. тянуть, польск. цѣнгноць, нѣм. ziehen—zog и пр.). Дальнѣйшія измѣненія: постепенно стали исказить значеніе истинно славянскихъ буквъ *ѣ* и *ь*, какъ полугласныхъ; уничтожили начертаніе двугласной *ю*, т. е. твердое *је*, послѣ чего перестали понимать и мягкое *је* (*ѣ*); перестали писать *оу* вмѣсто *у*, вслѣдствіе чего *ю* превратилось въ непонятный гіероглифъ; извратили начертаніе стариннаго *я*, руководясь чисто писарскими потребностями. Всѣ эти измѣненія только отдалили отъ русскаго народа часъ освобожденія отъ безграмотности. Теперь, въ дополненіе къ этимъ искаженіямъ и quasi-упрощеніямъ, хотятъ еще уничтожить *ѣ* не только на концѣ, гдѣ его пишутъ просто по рутинѣ, но и въ серединѣ, и наконецъ хотятъ уничтожить *ь*. Но нельзя убить живой души. Звукъ *ь* все-же не можетъ исчезнуть изъ живой рѣчи, но начертаніе еще болѣе отдалится отъ живой рѣчи. Уничтоженіе буквы *ь* уменьшитъ число единицъ въ школахъ собственно за букву *ь*, но зато появятся единицы за незнаніе «правиль безграмотности». Во всякомъ случаѣ грамотность не подвинется впередъ,—скорѣе, разумѣется, напротивъ: изученіе своей родной рѣчи еще болѣе затруднится, мертвая схоластика совсѣмъ захлестнетъ русскаго мужика. Неся народу вмѣсто подлинныхъ звуковъ *е* лишь слабый намекъ на эти звуки, вы тѣмъ самымъ лишаете языкъ жизненной красоты и реальности, а съ другой стороны лишаете неграмотнаго мужика возможности разобраться въ этихъ звукахъ. Любя народъ, надо любить и его языкъ со всѣми его красотами и особенностями, а посему надо дать ему подлинный письменный языкъ, а не сухой безжизненный скелетъ, покрытый саваномъ искусственной византійщины и академической схоластики.

Итакъ я боюсь, что труды академиковъ, давшихъ знаменательный починъ, но направившихъ свои изысканія по ложному пути, создадутъ изъ русскаго языка гробъ повапленный, въ которомъ окончательно будетъ погребена грамотность и доступность грамотности.

Комиссія говоритъ, что введеніе новой буквы вмѣсто *й* нежелательно. А между тѣмъ сама она для поясненія орфографіи

прибѣгла къ j (I=й). Надо быть послѣдовательнымъ въ силу законовъ разума. Введеніе новой буквы j наилучшимъ образомъ сдѣлаетъ для насъ рельефною характерную особенность нашего роднаго языка, а именно его мягкость и выразительность, что зависитъ отъ того, что jотированные звуки у насъ не только могутъ стоять отдѣльно, но весьма часто сочетаются и съ согласными, да и сама по себѣ jота часто употребляется самостоятельно, а также часто замѣняетъ и согласныя (напр. домой и долой вмѣсто древнихъ домовъ и доловъ, происшедшихъ изъ домови и долови). Итакъ живымъ звукамъ дайте и соответствующее начертаніе.

Я не сомнѣваюсь, что тѣ нововведенія, на которыхъ я настаиваю, облегчатъ изученіе родной рѣчи, что и составляетъ цѣль грамотности. Орѳографія изъ области собранія схоластическихъ правилъ перейдетъ въ область изученія живой рѣчи. Такъ какъ руководить орѳографіею будетъ не мертвая схоластика, а живой языкъ, то нельзя сомнѣваться, что она, дѣйствительно, упростится въ огромныхъ размѣрахъ.

Грамотность послужитъ мощнымъ орудіемъ для русскаго народа, владѣющаго богатѣйшей природной смѣлкой, стать во главѣ культурныхъ народовъ и руководить ими. Необходимо распространеніе грамотности, какъ живаго стимула для прогресса все болѣе и болѣе усложняющейся культуры. Тогда русская культура побѣдитъ весь міръ! Но надо болѣе правильно опредѣлить самое понятіе о культурѣ. Напр. иные отстаиваютъ букву *n*, какъ культурное приобрѣтеніе, какъ внѣшній знакъ культуры. Но истинная культура состоитъ въ упрощеніи и облегченіи всѣхъ условій жизни и взаимныхъ отношеній, въ суммѣ всѣхъ жизненныхъ удобствъ и при томъ не для себя только, а для всего народа и наконецъ въ суммѣ всѣй промышленной, духовной и интеллектуальной производительности народа. Для такой культуры братство и гуманность суть основныя условія. Поэтому такая культура есть универсальный утилитаризмъ, направленный не къ личной выгодѣ, а къ общественному благу, т. е. альтруизмъ (отъ лат. слова *alter* другой, фр. *autre*). Какія-нибудь египетскія пирамиды, составляя произведенія древней культуры, въ тоже время почти не имѣли никакого значенія въ общемъ культурномъ развитіи

народа, тогда какъ, напр., римскія водопроводныя сооруженія, имѣвшія огромное культурное значеніе для всего народа, въ тоже время представляли собою памятники, способствовавшіе дальнѣйшему прогрессу культуры. Итакъ недостойно просвѣщеннаго человѣка, если онъ, взобравшись на вершину цивилизаціи, скажетъ: я взобрался, значитъ и все могутъ взобраться, а если вы не развились до этого, то такъ и оставайтесь въ грязи. Собственно о виѣшней культурѣ и виѣшнихъ знакахъ культуры не стоитъ и говорить. Какой-нибудь Колупаевъ, обутый въ смазные сапоги, отнюдь не культурнѣй своего сосѣда крестьянина, обутаго въ лапти, ибо лапти суть издѣліе самаго крестьянина, а смазные сапоги куплены на базарѣ у какого-нибудь изобрѣтательнаго нѣмца. Культура состоитъ не въ покупательской способности, а въ способности производить вещи, творить ихъ. Точно также какой-нибудь римскій патрицій, окруженный толпой поэтовъ, писателей и художниковъ изъ числа рабовъ и вольноотпущенниковъ, отнюдь не культурнѣй этихъ послѣднихъ, а совсѣмъ наоборотъ. Посему нельзя сомнѣваться, что и русская культура держится не нами, интеллигентами, а русскимъ мужикомъ.

Отсюда слѣдуетъ само собою, что для прогресса русской народной культуры надо не народъ возвысить до грамотности, а напротивъ надо грамотность сдѣлать простою, доступною и необходимою: для этого надо совлечь съ нея ветхую деньми схоластику и сдѣлать ее общимъ, истинно культурнымъ, народнымъ достояніемъ.

Итакъ не бойтесь изгонять схоластику, стремитесь къ исканію истины. Духа не угашайте, т. е. духа исканія истины. Познаніе истины—вотъ сущность бытія. А цѣль бытія—сдѣлаться свободными отъ рутины, суевѣрій, предрасудковъ и лжемудрствованій схоластики и мракобѣсія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе прошу у читателей извиненія за могущіе быть недостатки и ошибки въ моемъ трудѣ. Я не лингвистъ. Пусть это для меня послужитъ большимъ извиненіемъ, чѣмъ для тѣхъ ученыхъ, которые, владѣя всѣмъ совершенствомъ знаній, не старались популяризировать своихъ знаній, чтобы простыя истины сдѣлать общедоступными. Во всякомъ случаѣ я питаю надежду, что мой трудъ принесетъ свою долю пользы, какъ первый починъ на русской нивѣ—упростить азбуку и въ тоже время поставить ее въ разрядъ европейскихъ азбукъ. Рано или поздно это должно было случиться.

Нѣкоторыя шероховатости въ моемъ трудѣ произошли оттого, что я сообщаю весь процессъ мышленія, посредствомъ котораго я дошелъ до того или другого видоизмѣненія начертанія. Но это имѣетъ въ тоже время то достоинство, что читатель проходитъ вмѣстѣ со мною черезъ этотъ процессъ и такимъ образомъ убѣждается наглядно въ неизбѣжности того или другого начертанія. Хорошая сторона этого особенно видна въ начертаніи буквы *и* посредствомъ *і*: первоначально эта черта введена была мною надъ јотированными звуками для раздѣленія ихъ отъ согласныхъ; хотя я потомъ отказался отъ этого способа, найдя болѣе совершенный, но я сообщаю объ немъ, чтобы показать читателю, какимъ образомъ я дошелъ до обозначенія *и* посредствомъ *і*. Тоже относится и до звука *ь*: сначала я даю ему первичное начертаніе *je*, а затѣмъ въ корняхъ послѣ согласной и въ окончаніяхъ даю ему начертаніе *e* съ надписною точкою (*é*). Конечно, отъ этого произошли нѣкоторыя повторенія, но ясность изложенія, какъ я думаю, выиграла, ибо ничего не стоитъ выдумать *e* съ точкою, но важнѣй тотъ процессъ мышленія, который для всякаго дѣлаетъ яснымъ и естественнымъ это начертаніе.

Выскажу еще нѣсколько заключительныхъ соображеній относительно начертанія јотированныхъ звуковъ. Сначала я даю для всѣхъ јотированныхъ звуковъ *первичное* начертаніе: *ja, je, jo, ju*. Впервые на стр. 16 я прибѣгъ для упрощенія письма къ подписнымъ точкамъ для обозначенія мягкихъ јотированныхъ звуковъ. На стр. 23 для *ь* вмѣсто подписной точки я предпочелъ надписную. Въ примѣч. на стр. 40 я уже для всѣхъ мягкихъ јотированныхъ звуковъ предложилъ надписныя точки. Такимъ образомъ получаются *мягкіе јотированные звуки: á (я), ù (ю), é (ѣ), ё (jo)* и *полные или твердые јотированные звуки: ja, ju, je и jo; ji* стоитъ отдѣльно, такъ какъ оно=*и*. Обозначенія мягкихъ јотированныхъ звуковъ въ видѣ *é* вмѣсто *ь* и постарому *ё (jo)* вполне рациональны. Но относительно знаковъ для обозначенія мягкихъ *я* и *ю* могутъ сказать: отчего-бы не сохранить старые знаки *я* и *ю* для обозначенія именно мягкихъ јотированныхъ звуковъ послѣ согласныхъ? На это я могу сказать, что сохраненіе *я* и *ю* послѣ согласныхъ одинаково подходитъ какъ къ латинскому алфавиту, такъ и къ теперешнему русскому алфавиту (ср. стр. 25). Съ принятіемъ полныхъ јотированныхъ знаковъ и параллельно съ ними, *я* и *ю* уже не будутъ мертвыми знаками, а напротивъ примутъ вполне жизненный характеръ и только теперь станутъ совершенно понятными.

Къ недостаткамъ изданія принадлежитъ то, что различные новые знаки и обозначенія для моей азбуки не были специально заказаны, а отпечатаны посредствомъ наличныхъ средствъ типографіи. Поэтому эти знаки не имѣютъ красоты, но это не составляетъ сущности дѣла, которая при всемъ томъ является понятною.

В. В. Михомировъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр</i>
Введение	3.
Глава I. Фонетическія основы народной азбуки . . .	5.
„ II. Дальнѣйшія усовершенствованія азбуки и орфо- графіи	11.
„ III. Преимущества новой азбуки	17.
„ IV. Какія безусловно нужны исправленія въ тепе- решней азбукѣ, прежде чѣмъ ввести новую азбуку	20.
Приложеніе: разборъ предварительнаго сообщенія орфо- графической подкомиссіи	28.
Заключеніе.	55.

Замѣченныя опечатки:

стран.	22	строка	4	снизу	напеч.	будеть	вм.	будуть.
„	26	„	4	сверху	„	чрезъ	„	черезъ.
„	33	„	11	сверху	слѣдуетъ	читать	древнѣйшихъ.	
„	41	„	11	снизу	напечатано	ježelj	вмѣсто	jegegj.
„	„	„	10	снизу	слѣдуетъ	читать:	w	bělě или bēlūē.
„	„	„	9	„	„	„	„	на конѣ.
„	43	„	15	„	послѣ	слова	подумать	должна слѣ- довать запятая.
„	„	„	6	напечатано	гласные	вмѣсто	гласныя.	
„	53	„	12	сверху	напечатано	нововеденія	вмѣсто	нововеденія.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ Вильнѣ (Большая ул., д. № 32), въ С.-Петербургѣ (Литей-
ный пр., д. № 46), въ Москвѣ. (Моховая, д. Баженова) и Вар-
шавѣ (Новый Свѣтъ, д. № 69).